

ROALD DAHL

РОАЛД
ДАЛЬ

*У кого
что болит*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Роальд Даль

У кого что болит (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1953

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даль Р.

У кого что болит (сборник) / Р. Даль — «Азбука-Аттикус»,
1953 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-12619-0

Эталонный сборник одного из лучших рассказчиков нашего времени, выдающегося мастера черного юмора, адепта воинствующей чистоплотности и нежного человеконенавистничества. За свою долгую жизнь Даль успел послужить в военной авиации, написать несколько киносценариев, в том числе для Уолта Диснея, и множество книг, пользовавшихся феноменальным успехом у детей и взрослых. Вашему вниманию предлагается собрание классических рассказов, в том числе знаменитый «Человек с юга» (также известный как «Пари»), послуживший основой для фильмов А. Хичкока и К. Тарантино.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12619-0

© Даль Р., 1953
© Азбука-Аттикус, 1953

Содержание

Концы в воду	6
Фоксли-Скакун	13
Агнец на закланье	22
Человек с юга	28
Мистер Физи	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роальд Даль

У кого что болит

© И. Богданов (наследники), перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Концы в воду

На утро третьего дня море успокоилось. Из своих кают повылезали даже самые чувствительные натуры – из числа тех пассажиров, которых не было видно со времени отплытия. Они вышли на верхнюю палубу, стюард расставил для них шезлонги, подоткнул пледы им под ноги и удалился, а путешественники остались лежать рядами, с лицами, повернутыми к бледному, почти не излучавшему тепла январскому солнцу.

Первые два дня на море было умеренное волнение, и это внезапное спокойствие и пришедшее вместе с ним чувство комфорта способствовали тому, что настроение у всех пассажиров стало более благожелательным. К вечеру, имея позади двенадцать часов хорошей погоды, они начали чувствовать себя уверенно, и к восьми часам кают-компания заполнилась людьми, которые держались как бывалые моряки.

Где-то к середине ужина по тому, как под ними слегка закачались стулья, пассажиры поняли, что снова началась бортовая качка. Поначалу она была едва ощутимой – медленный, неспешный крен в одну сторону, потом в другую, но и этого было довольно, чтобы среди собравшихся произошла внезапная перемена настроения. Некоторые пассажиры оторвались от своих тарелок, словно ожидая, едва ли не прислушиваясь, когда судно будет снова крениться. При этом они нервно улыбались, а во взглядах была тревога. Другие оставались совершенно невозмутимыми, третьи открыто выражали уверенность – кое-кто из последних шутил по поводу ужина во время качки, издеваясь над теми, кто уже испытывал мучения. Затем корабль стал крениться из стороны в сторону быстро и резко. Всего через пять-шесть минут после того, как произошел первый крен, судно уже сильно раскачивалось и сидевших на стульях пассажиров стало мотать в сторону, как в автомобиле на крутом повороте.

Наконец судно качнулось весьма основательно, и мистер Уильям Ботибол, сидевший за столом старшего интенданта, увидел, как из-под поднятой вилки его тарелка с отварным палтусом под голландским соусом неожиданно поехала в сторону. Начался переполох, все потянулись за своими тарелками и бокалами для вина. Миссис Реншо, сидевшая справа от старшего интенданта, вскрикнула и уцепилась за руку своего соседа.

– Веселенькая нас ждет ночь, – сказал интендант, глядя на миссис Реншо. – Дует так, что нам, похоже, нелегко придется.

Он произнес это едва ли не с удовольствием.

Подбежал стюард и обрызгал водой скатерть между тарелками¹. Волнение среди пассажиров улеглось. Большинство из них продолжили ужин. Остальные, включая миссис Реншо, осторожно поднялись и, стараясь не обнаруживать нетерпения, стали пробираться между столиками к выходу.

– Ну вот, – сказал интендант, – началось.

Он одобрительно оглядел оставшихся. Путешественники сидели тихо, внешне держались спокойно. На лицах некоторых была написана нескрываемая гордость; кому-то казалось, что их принимают за настоящих моряков.

Когда ужин закончился и подали кофе, мистер Ботибол, который со времени начала качки был необычайно серьезен и задумчив, неожиданно поднялся и, взяв свою чашку кофе, сел на освободившийся стул миссис Реншо и тотчас зашептал в ухо интенданту:

– Простите, не могли бы вы мне кое-что сказать, прошу вас.

Интендант, человек небольшого роста, толстый, с красным лицом, наклонился к нему, выражая готовность слушать.

– Что случилось, мистер Ботибол?

¹ Скатерть смачивают во время качки, чтобы она не скользила вместе с посудой.

– Вот что мне хотелось бы знать...

На его лице была написана тревога. Интендант внимательно смотрел на него.

– Вот что мне хотелось бы знать. Капитан уже рассчитал расстояние, которое судно пройдет за сутки? То есть прежде чем на море стало так беспокоило. После ужина ведь будут принимать ставки.

Интендант, собравшийся выслушать слова благодарности в свой адрес, улыбнулся и откинулся на стуле, как это делает человек с полным животом.

– Думаю, что да, – ответил он.

О том, чтобы произнести эти слова шепотом, он и не подумал, хотя голос автоматически понизил, словно в ответ на заданный шепотом вопрос.

– И давно, по-вашему, он это сделал?

– Да где-то днем. Обычно это происходит днем.

– В котором часу?

– Ну, этого я не знаю. Часов, думаю, около четырех.

– Скажите мне еще вот что. Как капитан определяет расстояние? Это очень сложно?

Интендант взглянул на озабоченное лицо продолжавшего хмуриться мистера Ботибола и улыбнулся, отлично понимая, к чему тот клонит.

– Видите ли, капитан проводит небольшое совещание со штурманом, они изучают погодные условия и многое другое, а потом рассчитывают расстояние, которое судно должно пройти за определенное время.

Мистер Ботибол кивнул, какое-то время обдумывая услышанное, а потом спросил:

– Как вы полагаете, капитан знал, что сегодня испортится погода?

– На этот счет ничего не могу сказать, – ответил интендант.

Он глядел прямо в маленькие темные глазки собеседника и видел, как в его зрачках пляшут искорки.

– Я правда ничего не могу сказать, мистер Ботибол. Не знаю.

– Если погода вконец испортится, не стоит ли поставить на меньшую цифру? Как вы думаете?

В его шепоте слышалось все больше настойчивости и тревоги.

– Может, и стоило бы, – ответил интендант. – Скорее всего, он не предполагал, что ночь предстоит беспокойная. Днем, когда он делал расчеты, было довольно тихо.

За столом все притихли, внимательно прислушиваясь к разговору. Некоторые, склонив голову набок, слушали интенданта и искоса на него поглядывали. Человека в такой позе можно увидеть на скачках среди зрителей – он пытается угадать, что говорит тренер наезднику: у слушающего в такую минуту рот слегка приоткрыт, брови подняты, шея вытянута, а голова наклонена немного набок, он напряжен и как бы загипнотизирован. Такой вид бывает у всякого, кто хочет услышать что-то важное из первых рук.

– А допустим, вас попросили бы предположить, какое расстояние пройдет судно сегодня, что за число вы бы назвали? – шепотом спросил мистер Ботибол.

– Еще не знаю, в каких пределах будут ставки, – терпеливо ответил интендант. – Об этом объявят после ужина, когда соберутся игроки. Да и не очень-то хорошо я во всем этом разбираюсь. Я ведь всего лишь интендант.

Тут мистер Ботибол поднялся.

– Прошу у всех прощения, – произнес он и, стараясь сохранить равновесие, медленно пошел между столиками по качающемуся полу.

Пару раз ему пришлось схватиться за спинку стула, чтобы удержаться на ногах.

– На верхнюю палубу, пожалуйста, – сказал он лифтеру.

Едва мистер Ботибол вышел на открытую палубу, как ветер ударил ему в лицо. Он пошатнулся, крепко схватился за поручни двумя руками и стал всматриваться в темнеющее

море. Вздymались огромные волны, и белые барашки бежали по гребням навстречу ветру, оставляя позади себя фонтаны брызг.

– Неплохо задувает, верно, сэр? – спросил лифтер, когда они спускались вниз.

Мистер Ботибол достал маленькую красную расческу и принялся приводить в порядок растрепавшиеся волосы.

– Как по-твоему, мы очень замедлили ход из-за непогоды? – спросил он.

– О да, сэр. Мы стали плыть гораздо медленнее. В такую погоду надо обязательно сбавлять ход, иначе пассажиры полетят за борт.

В курительной комнате возле столиков уже собирались участники игры. Мужчины были в смокингах и держались несколько скованно. Они только что тщательно побрились, и у них были розовые лица. Женщины, в длинных белых перчатках, держались холодно и, казалось, были безразличны к тому, что происходит. Мистер Ботибол занял место возле столика аукциониста. Он закинул ногу на ногу, сложил на груди руки и устроился на стуле с видом человека, который принял чрезвычайно смелое решение и испугать его не удастся.

Сумма выигрыша, размышлял он про себя, составит, вероятно, тысяч семь долларов. Почти такой же она была последние два дня. Чтобы заключить пари на расстояние, которое пройдет судно, нужно выложить сотни три-четыре, в зависимости от того, на какое число ставишь. Поскольку судно было английское, здесь имели дело с фунтами стерлингов, но он предпочитал вести счет в родной валюте. Семь тысяч долларов – хорошие деньги. Да просто огромные! Вот что он сделает: попросит, чтобы они расплатились с ним стадолларовыми купюрами, а деньги, прежде чем сойти на берег, положит во внутренний карман пиджака. С этим проблем не будет. И немедленно, да-да, немедленно купит «линкольн» с откидывающимся верхом. Он купит машину, как только сойдет с судна, и поедет на ней домой – и какое же удовольствие доставит ему выражение лица Этель, когда она выйдет из дома и увидит его. Картина еще та – он подкатывает к самым дверям в новеньком светло-зеленом «линкольне» с откидывающимся верхом, и тут выходит Этель! «Привет, Этель, дорогая, – бросит он как бы между прочим. – Вот, хотел сделать тебе небольшой подарок. Проходил мимо, заглянул в витрину, вспомнил о тебе и о том, как ты всегда мечтала о такой машине. Она ведь тебе нравится, моя милая? – спросит он. – Как тебе цвет?» А потом будет следить за выражением ее лица.

Аукционист поднялся из-за столика.

– Дамы и господа! – громко произнес он. – Капитан считает, что до завтрашнего полудня судно преодолеет расстояние в пятьсот пятнадцать морских миль. Отступим, как обычно, на десять позиций в ту и другую сторону от названного капитаном числа и обозначим пределы – от пятисот пяти до пятисот двадцати пяти. Те же, кто полагает, что истинное число все-таки находится вне этих пределов, будут иметь возможность поставить на числа больше пятисот двадцати пяти или меньше пятисот пяти. Теперь достаем первые числа из этой шляпы – так, пятьсот двенадцать!

Наступила тишина. Все сидели не шелохнувшись и не сводили глаз с аукциониста. Чувствовалось некоторое напряжение, и едва ставки начали повышаться, напряжение стало нарастать. Тут собрались не забавы ради; достаточно было посмотреть на мужчину, который бросил взгляд на того, кто назвал большее число; возможно, он и улыбался, но только краешками губ, взгляд же был совершенно холодным.

Число пятьсот двенадцать ушло за сто десять фунтов, следующие три или четыре числа – примерно за такую же сумму.

Судно сильно раскачивалось, и каждый раз, когда оно кренилось, деревянная обшивка на стенах скрипела, точно собиралась расколоться. Пассажиры сидели, ухватившись за подлокотники своих кресел, и внимательно следили за ходом аукциона.

– Кто меньше? – выкрикнул аукционист. – Следующий номер – за пределами десятки.

Мистер Ботибол выпрямился. Напряжение сковало его. Он решил, что будет ждать, пока другие перестанут делать ставки, после чего вскочит и сделает последнюю. Дома на его банковском счету было, насколько он помнил, не меньше пятисот долларов, может, шестьсот – около двухсот фунтов, чуть больше двухсот.

– Как вам известно, – говорил аукционист, – когда я перехожу к меньшим числам, это означает, что они находятся за пределами самого меньшего числа десятки, в данном случае это будут числа меньше пятисот пяти. Поэтому, если кто-то из вас полагает, что судно покроет расстояние меньше чем пятьсот пять миль за сутки, считая до завтрашнего полудня, можете подключиться к игре и сделать свою ставку. Итак, с чего начнем?

Ставка составила почти сто тридцать фунтов. Похоже, не только мистер Ботибол заметил, что погода испортилась. Сто сорок... пятьдесят... Наступила пауза. Аукционист поднял молоток.

– Сто пятьдесят – раз!

– Шестьдесят! – крикнул мистер Ботибол, и все повернулись в его сторону.

– Семьдесят!

– Восемьдесят! – крикнул мистер Ботибол.

– Девяносто!

– Двести! – крикнул мистер Ботибол.

Теперь его было не остановить.

Наступила пауза.

– Кто-то может предложить больше двухсот фунтов?

«Сиди тихо, – сказал мистер Ботибол себе. – Сиди как можно тише и не смотри по сторонам. Не дыши. Не будешь дышать, никто не перебьет твою ставку».

– Двести фунтов – раз...

У аукциониста был розовый лысый череп, макушка которого покрылась капельками пота.

– Двести фунтов – два...

Мистер Ботибол не дышал.

– Двести фунтов – три... Продано!

Он стукнул молотком по столу. Мистер Ботибол выписал чек и протянул его помощнику аукциониста, после чего откинулся в кресле, намереваясь дождаться, чем все кончится. Он не собирался ложиться спать, пока не узнает, сколько денег в банке.

После того как была сделана последняя ставка, деньги сложили, и получилось две тысячи сто с чем-то фунтов – около шести тысяч долларов. Девяносто процентов предназначалось для победителя, десять – в пользу нуждающихся матросов. Девяносто процентов от шести тысяч долларов – пять тысяч четыреста. Что ж, этого хватит. Он купит «линкольн» с откидывающимся верхом, и еще кое-что останется. С этими приятными мыслями он, счастливый и довольный, удалился в свою каюту.

Проснувшись на следующее утро, мистер Ботибол несколько минут лежал с закрытыми глазами. Он прислушался, нет ли бури и насколько сильна качка. Но бури, похоже, не было, как и качки. Он вскочил и выглянул в иллюминатор. Море – о боже милостивый! – было гладким, как стекло. Огромное судно быстро двигалось вперед, явно наверстывая время, потерянное за ночь. Мистер Ботибол отвернулся и медленно опустился на краешек койки. Он почувствовал что-то похожее на страх. Теперь нет никакой надежды. Выиграет наверняка кто-нибудь из тех, кто поставил на большее число.

– О господи, – громко произнес он. – Что же делать?

Что, к примеру, скажет Этель? Как он ей объяснит, что почти все их двухлетние сбережения он спустил на судне? Да и не скроешь ничего. Ему придется сказать ей, чтобы она перестала снимать деньги со счета. А как быть с ежемесячными отчислениями на телевизор

и «Британскую энциклопедию»? Он уже видел гнев и презрение в ее глазах; вот ее голубые глаза становятся серыми, а вот прищуриваются – верный признак того, что она сердится.

– О господи. Да что же мне делать?

Что толку теперь делать вид, будто есть еще хоть малейший шанс – разве только чертов корабль не попятится назад. Чтобы у него теперь появился хоть какой-то шанс выиграть, судно должно дать полный ход назад. А не попросить ли капитана так и сделать? Предложить ему десять процентов от выигрыша, а захочет – и больше. Мистер Ботибол захихикал. Потом вдруг умолк. Его глаза и рот широко раскрылись от изумления, ибо именно в эту самую минуту ему пришла в голову идея. Она явилась как гром среди ясного неба. В невероятном возбуждении он вскочил с койки, подбежал к иллюминатору и снова выглянул в него. А почему бы и нет, подумал он. Почему бы, черт возьми, и нет? Море спокойное, и он запросто удержится на плаву, пока его не подберут. Им овладело странное чувство, будто кто-то это уже проделывал, но что мешает ему сделать это еще раз? Корабль вынужден будет остановиться, с него спустят лодку, чтобы его подобрать, и лодке придется преодолеть, может, с полмили, после чего она должна будет вернуться к судну, а это тоже время. Час – это миль тридцать. С дневного рейса можно будет скинуть тридцать миль. Этого должно хватить, чтобы выигрышным оказалось меньшее число. Главное – позаботиться о том, чтобы кто-то увидел, как он падает за борт, а это устроить нетрудно. И одеться надо полегче – в чем можно легко плавать. Спортивный костюм – это то, что надо. Он оденется так, будто собрался поиграть в теннис на палубе, – майка, шорты и легкие туфли. А вот часы надо оставить. Кстати, который час? Пятнадцать минут десятого. Решено. Чем скорее, тем лучше. Сделать и забыть. Да, надо бы поторопиться, чтобы успеть до полудня.

Когда мистер Ботибол вышел на верхнюю палубу в спортивном костюме, им владели страх и возбуждение. Он был небольшого роста, с широкими бедрами и чрезвычайно узкими покатыми плечами, так что его тело – силуэтом во всяком случае – напоминало швартовую тумбу. Его белые худые ноги были покрыты черными волосами. Он осторожно вышел на палубу, мягко ступая в своих теннисных туфлях, и нервно огляделся. На палубе был еще только один человек – пожилая женщина с очень толстыми лодыжками и огромными ягодичками. Перегнувшись через перила, она смотрела на море. На ней была каракулевая шуба. Воротник был поднят, так что лица ее мистер Ботибол не видел.

Он стоял не двигаясь, внимательно наблюдая за ней со стороны. «Ну что ж, – сказал он про себя, – эта, пожалуй, подойдет. Наверное, сразу тревогу поднимет. Но погоди минутку, не торопись, Уильям Ботибол, не торопись. Помнишь, что ты говорил себе несколько минут назад в каюте, когда переодевался? Помнишь ли ты это?»

Затея спрыгнуть с корабля в океан в тысяче миль от ближайшей земли сделала мистера Ботибола – человека, вообще-то, осторожного – чрезвычайно осмотрительным. Он еще не успел удостовериться в том, что эта женщина, которую он перед собой видел, совершенно точно поднимет тревогу, когда он прыгнет. На его взгляд, не отреагировать на происшествие она могла по двум причинам. Во-первых, она, может, ничего не слышит и не видит. Это едва ли так, но, с другой стороны, такое ведь вероятно, – тогда зачем рисковать? Для начала надо бы побеседовать с ней. Во-вторых – и это говорит о том, каким подозрительным может стать человек, когда им движут чувство самосохранения и страх, – во-вторых, ему пришло в голову, что эта женщина поставила на большее число и, если это так, у нее будет веская финансовая причина не хотеть, чтобы судно остановилось. Мистер Ботибол вспомнил, что люди, бывало, убивали себе подобных за гораздо меньшую сумму, чем шесть тысяч долларов, – газеты об этом каждый день пишут. Да и стоит ли рисковать? Сначала нужно все проверить. Убедиться, что действуешь правильно. Завести вежливый разговор. А потом, если окажется, что женщина – особа приятная, добродушная, значит дело верное и можно с легким сердцем прыгать за борт.

Мистер Ботибол осторожно подошел к женщине и встал рядом с ней, перегнувшись через перила.

– Здравствуйте, – любезно произнес он.

Она повернулась и улыбнулась ему. Улыбка вышла на удивление милой, почти очаровательной, хотя лицо у нее было весьма некрасивое.

– Здравствуйте, – произнесла она в ответ.

«Сначала, – дал себе задание мистер Ботибол, – убедись, что она не слепая и не глухая». В этом он уже убедился.

– Скажите, – заговорил он без предисловий, – что вы думаете о вчерашнем аукционе?

– Аукционе? – нахмурившись, переспросила она. – Каком еще аукционе?

– Ну, эта глупая игра, которую обычно затевают в кают-компании после ужина, – пытаться отгадать, сколько миль пройдет судно за определенное время. Просто мне интересно, что вы об этом думаете.

Она покачала головой и еще раз улыбнулась – мягкая приятная улыбка, немного, пожалуйста, извиняющаяся.

– Я очень ленива, – ответила она, – и рано ложусь спать. Да и ужинаю лежа. Это не так утомительно – ужинать лежа.

Мистер Ботибол улыбнулся ей в ответ и сделал шаг в сторону.

– Что ж, пора размяться, – сказал он. – Никогда не упускаю случая размяться утром. Было приятно познакомиться. Очень приятно.

Он отступил от нее шагов на десять. Женщина даже не обернулась.

Теперь все в порядке. Море спокойно, он легко одет для плавания, в этой части Атлантики почти наверняка нет акул-людоедов, а тут еще и эта приятная пожилая женщина, которая поднимет тревогу. Вопрос теперь в том, задержится ли судно достаточно надолго для того, чтобы аукцион разрешился в его пользу. Скорее всего, так и будет. В любом случае он хотя бы немного себе поможет. Можно создать кое-какие трудности, когда его будут поднимать в лодку, – поплескаться в воде, незаметно отплыть в сторону. Каждая выигранная минута, каждая секунда пойдут ему на пользу. Он снова направился к поручням, но вдруг его охватил новый страх. А что, если он угодит под винт? Он слышал, что такое случается с теми, кто падает за борт больших кораблей. Но ведь он и не собирается падать, он будет прыгать, а это совсем другое дело. Если подальше прыгнуть, то никакой винт не страшен.

Мистер Ботибол медленно подошел к поручням ярдах в двадцати от женщины. Она не смотрела на него. Что ж, тем лучше. Ему не хотелось, чтобы она видела, как он будет прыгать. Раз его никто не видит, потом он скажет, что поскользнулся и упал нечаянно. Он заглянул за борт. Лететь придется долго, очень долго. Вообще-то, о воду можно сильно удариться. Кажется, кто-то однажды прыгнул с такой высоты, плюхнулся о воду животом и разорвал его. Надо прыгать так, чтобы войти в воду ногами. Войти в нее как нож. Именно так. Вода казалась холодной, глубокой и серой, и, глядя на нее, он содрогнулся. Но либо сейчас, либо никогда. Будь мужчиной, Уильям Ботибол, будь же мужчиной. Итак... вперед.

Он взобрался на широкий деревянный поручень, постоял на нем, балансируя, секунды три, показавшиеся мучительно страшными, а потом прыгнул – немного вверх и как можно дальше от борта – и тут же закричал:

– Помогите! Помогите!

Потом он ударился о воду и скрылся из виду.

Когда послышался первый крик о помощи, женщина, стоявшая возле поручня, вздрогнула от удивления. Она быстро оглянулась и увидела, как мимо нее по воздуху, разбросав руки и ноги, с криками летит тот самый человек небольшого роста в белых шортах и теннисных туфлях. Поначалу казалось, она не знает, что делать: бросить ли спасательный круг, бежать за помощью или просто стоять на месте и кричать. Она отступила на шаг от поручня,

резко обернулась в сторону капитанского мостика и застыла в напряжении, не зная, что предпринять. Но почти тотчас ею овладело равнодушие – так могло показаться со стороны. Перегнувшись через поручни, она стала смотреть на воду, в кильватер за судном. Вскоре в морской пене появилась крошечная круглая черная голова, рядом с ней поднялась рука – один раз, другой. Рука отчаянно махала, и откуда-то издалека доносился голос, но слов было не разобрать. Женщина наклонилась еще дальше, стараясь не упустить из виду маленькое качающееся на волнах черное пятнышко, но скоро, очень скоро оно уже оказалось так далеко, что она не могла поручиться, было это на самом деле или нет.

Спустя какое-то время на палубу вышла другая женщина – сухопарая, угловатая, в очках в роговой оправе. Заметив первую женщину, она подошла к ней, ступая по палубе решительной, марширующей походкой старой девы.

– Так вот ты где, – сказала она.

Женщина с толстыми лодыжками обернулась и взглянула на нее, но промолчала.

– Я давно тебя ищу, – продолжала сухопарая женщина. – Везде искала.

– Очень странно, – сказала женщина с толстыми лодыжками. – Какой-то мужчина только что прыгнул за борт в одежде.

– Ерунда!

– Да нет же. Он говорил, что хочет размяться, и прыгнул в воду, но даже не удосужился раздеться.

– Пойдем-ка лучше вниз, – сказала сухопарая женщина.

Неожиданно она заговорила твердым голосом, черты лица ее приняли суровое выражение, любезный тон исчез.

– И никогда больше не гуляй одна по палубе. Ты же прекрасно знаешь, что без меня тебе – никуда.

– Да, Мэгги, – ответила женщина с толстыми лодыжками и еще раз улыбнулась, ласково и доверчиво.

Она взяла руку другой женщины и позволила ей увести себя с палубы.

– Такой приятный мужчина, – произнесла она. – Он мне еще и помахал.

Фоксли-Скакун

Вот уже тридцать шесть лет пять раз в неделю я езжу в Сити поездом, который отправляется в восемь двенадцать. Он никогда не бывает чересчур переполнен и к тому же доставляет меня прямо на станцию Кэннон-стрит, а оттуда всего одиннадцать с половиной минут ходьбы до дверей моей конторы в Остин-Фрайерз.

Мне всегда нравилось ездить ежедневно на работу из пригорода в город и обратно: каждая часть этого небольшого путешествия доставляет мне удовольствие. В нем есть какая-то размеренность, успокаивающая человека, любящего постоянство, и в придачу оно служит своего рода артерией, которая неспешно, но уверенно выносит меня в водоворот повседневных деловых забот.

Всего лишь девятнадцать-двадцать человек собираются на нашей небольшой пригородной станции, чтобы сесть на поезд, отправляющийся в восемь двенадцать. Состав нашей группы редко меняется, и когда на платформе появляется новое лицо, то это всякий раз вызывает недовольство, как бывает, когда в клетку к канарейкам сажают новую птицу.

По утрам, когда я приезжаю на станцию за четыре минуты до отхода поезда, они обыкновенно уже все там – добропорядочные, солидные, степенные люди, стоящие на своих обычных местах с неизменными зонтиками, в шляпах, при галстуках, с одним и тем же выражением лиц и с газетами под мышкой, не меняющиеся с годами, как не меняется мебель в моей гостиной. Мне это нравится.

Мне также нравится сидеть в своем углу у окна и читать «Таймс» под стук колес. Эта часть путешествия длится тридцать две минуты и, подобно хорошему продолжительному массажу, успокаивает мою душу и старое больное тело. Поверьте мне, чтобы сохранить спокойствие духа, нет ничего лучше размеренности и постоянства. В общей сложности я уже почти десять тысяч раз проделал это утреннее путешествие и с каждым днем наслаждаюсь им все больше и больше. Я и сам (это отношения к делу не имеет, но любопытно) стал чем-то вроде часов. Я могу без труда сказать, опаздываем мы на две, три или четыре минуты, и мне не нужно смотреть в окно, чтобы понять, на какой станции мы остановились.

Путь от конца Кэннон-стрит до моей конторы ни долог, ни короток – это полезная для здоровья небольшая прогулка по улицам, заполненным такими же путешественниками, направляющимися к месту службы по тому же неизменному графику, что и я. У меня возникает чувство уверенности оттого, что я двигаюсь среди этих заслуживающих доверия, достойных людей, которые преданы своей работе, а не шатаются по белу свету. Их жизни, как и мою, превосходно регулирует минутная стрелка точно идущих часов, и очень часто наши пути пересекаются на улице в одно и то же время на одном и том же месте.

К примеру, когда я сворачиваю на Сент-Суизинз-лейн, неизменно сталкиваюсь с благообразной дамой средних лет в серебряном пенсне и с черным портфелем в руке. Наверное, это образцовый бухгалтер, а может, управляющая какой-нибудь текстильной фабрикой. Когда я по сигналу светофора перехожу через Треднидл-стрит, в девяти случаях из десяти мне встречается джентльмен, у которого каждый день в петлице какой-нибудь новый садовый цветок. На нем черные брюки и серые гетры. Это определенно человек педантичный, скорее всего – банковский работник или, возможно, адвокат, как и я. Торопливо проходя мимо друг друга, мы несколько раз за последние двадцать пять лет обменивались мимолетными взглядами в знак взаимной симпатии и расположения.

Мне знакомы по меньшей мере полдюжины лиц, с которыми я встречаюсь в ходе этой небольшой прогулки. И должен сказать, все это добрые лица, лица, которые мне нравятся, все это симпатичные мне люди – надежные, трудолюбивые, занятые, и глаза их не горят и не бегают беспокойно, как у всех этих так называемых умников, которые хотят перевернуть

мир с помощью своих лейбористских правительств, государственного здравоохранения и прочего.

Итак, как видите, я в полном смысле этого слова являюсь довольным путешественником. Однако не правильнее ли будет сказать, что я был довольным путешественником? В то время, когда я писал этот небольшой автобиографический очерк, который вы только что прочитали, у меня было намерение распространить его среди сотрудников нашей конторы в качестве наставления и примера – я совершенно правдиво описывал свои чувства. Но это было целую неделю назад, а за это время произошло нечто необычное. По правде говоря, все началось во вторник на прошлой неделе, в то самое утро, когда я направлялся в столицу с черновым наброском своего очерка в кармане, и все сошлось столь неожиданным образом, что мне не остается ничего другого, как предположить, что тут не обошлось без Провидения. Господь Бог, видимо, прочитал мое небольшое сочинение и сказал про себя: «Что-то этот Перкинс становится чересчур уж самодовольным. Пора бы мне проучить его». Я искренне верю, что так оно и было.

Как я уже сказал, это произошло во вторник на прошлой неделе, в первый вторник после Пасхи. Было теплое светлое весеннее утро, и я шагал к платформе нашей небольшой станции с «Таймс» под мышкой и наброском очерка «Довольный путешественник» в кармане, когда меня вдруг пронзила мысль – что-то не так. Я прямо-таки физически ощутил ропот, прошедший по рядам моих попутчиков. Я остановился и огляделся.

Незнакомец стоял посередине платформы, расставив ноги и сложив на груди руки, глядя на окружающее так, словно все вокруг принадлежало ему. Этот большой, плотный мужчина даже со спины умудрялся производить впечатление человека высокомерного и надменного. Определенно он не принадлежал к нашему кругу. Вместо зонтика он держал трость, башмаки на нем были коричневые, а не черные, шляпа серого цвета сидела набекрень, и в общем и целом он демонстрировал нарочитый избыток лоска. Более я не утруждал себя разглядыванием его персоны. Я прошел мимо него с высоко поднятой головой, добавив – я искренне надеюсь, что это так, – настоящего морозцу в атмосферу, и без того достаточно холодную.

Подождал поезд. А теперь постарайтесь, если можете, вообразить, какой ужас меня охватил, когда незнакомец последовал за мной в мое собственное купе. Такого никто еще не проделывал в продолжение пятнадцати лет. Мои спутники всегда почитали мое превосходство. Одна из моих небольших привилегий состоит в том, что я сижу наедине с собой хотя бы одну, иногда две или даже три остановки. А тут, видите ли, место напротив меня оккупировал этот незнакомец, который принялся сморкаться, шелестеть страницами «Дейли мейл», да еще закурил свою отвратительную трубку.

Я опустил «Таймс» и взглянул в его лицо. Он, видимо, был того же возраста, что и я, – лет шестидесяти двух или трех, однако у него было одно из тех неприятно красивых загорелых, обветренных лиц, которые нынче то и дело видишь на рекламе мужских рубашек: тут тебе и охотник на львов, и игрок в поло, и альпинист, побывавший на Эвересте, и исследователь тропических джунглей, и яхтсмен одновременно; темные брови, стальные глаза, крепкие белые зубы, сжимающие трубку. Лично я недоверчиво отношусь ко всем красивым мужчинам. Сомнительные удовольствия будто сами находят их, и по миру они идут, словно лично ответственны за свою привлекательную внешность. Я не против, если красива женщина. Это другое. Но мужская красота, вы уж простите меня, совершенно оскорбительна. Как бы то ни было, прямо напротив меня сидел этот самый человек, а я глядел на него поверх «Таймс», и вдруг он посмотрел на меня, и наши глаза встретились.

– Вы не против того, что я курю трубку? – спросил он, вынув ее изо рта.

Только это он и сказал. Но голос его произвел на меня неожиданное действие. Мне даже показалось, будто я вздрогнул. Потом я как бы замер и по меньшей мере с минуту пристально смотрел на него, прежде чем смог совладать с собой и ответить.

– Это вагон для курящих, – сказал я, – поэтому поступайте как угодно.

– Просто я решил спросить.

И опять этот удивительно рассыпчатый знакомый голос, проглатывающий слова, а потом сыплющий ими, – маленькие и жесткие, как зернышки, они точно вылетали из пулемета. Где я его слышал? И почему каждое слово, казалось, отыскивало самое уязвимое место в закоулках моей памяти? Боже мой, думал я, да возьми же ты себя в руки. Что еще за чепуха лезет тебе в голову!

Незнакомец снова погрузился в чтение газеты. Я сделал вид, будто тоже читаю. Однако теперь я уже был совершенно выбит из колеи и никак не мог сосредоточиться. Я то и дело бросал на него взгляды поверх газеты, так и не развернув ее. У него было поистине несносное лицо, вульгарно, почти похотливо красивое, а маслянистая кожа блестела попросту непристойно. Однако приходилось ли мне все-таки когда-нибудь видеть это лицо или нет? Я начал склоняться к тому, что уже видел его, потому что теперь, глядя на него, я начал ощущать какое-то беспокойство, которое не могу толком описать, – оно каким-то образом было связано с болью, с насилием, быть может, даже со страхом, когда-то испытанным мною.

В продолжение поездки мы больше не разговаривали, но вам нетрудно вообразить, что мое спокойствие исчезло. Весь день был испорчен, и не раз кое-кто из товарищей по службе слышал от меня в тот день колкости, особенно после обеда, когда ко всему добавилось еще и несварение желудка.

На следующее утро он снова стоял посередине платформы со своей тростью, трубкой, шелковым шарфиком и тошнотворно красивым лицом. Я прошел мимо него и приблизился к некоему мистеру Граммиту, биржевому маклеру, который ездил со мной в город и обратно вот уже более двадцати восьми лет. Не могу сказать, чтобы я с ним когда-нибудь прежде разговаривал – на нашей станции собираются обыкновенно люди сдержанные, – но в сложившейся критической ситуации вполне можно вступить в разговор.

– Граммит, – прошептал я. – Кто этот прохвост?

– Понятия не имею, – ответил Граммит.

– Весьма неприятный тип.

– Очень.

– Полагаю, он не каждый день будет с нами ездить.

– Упаси бог, – сказал Граммит.

И тут подошел поезд.

На этот раз, к моему великому облегчению, незнакомец сел в другое купе.

Однако на следующее утро он снова оказался рядом со мной.

– Да-а, – проговорил он, устраиваясь прямо напротив меня. – Отличный денек.

И вновь что-то закопошилось на задворках моей памяти, на этот раз сильнее, и уже почти всплыло на поверхность, но ухватиться за нить воспоминаний я так и не смог.

Затем наступила пятница, последний рабочий день недели. Помню, что, когда я ехал на станцию, шел дождь, один из тех теплых искрящихся апрельских дождичков, которые идут лишь минут пять или шесть, и когда я поднялся на платформу, все зонтики были уже сложены, светило солнце, а по небу плыли большие белые облака. Несмотря на все это, у меня было подавленное состояние. В путешествии я уже не находил удовольствия. Я знал, что опять явится этот незнакомец. И вот пожалуйста, он уже был тут как тут; расставив ноги, ощущал себя здесь хозяином и на сей раз к тому же еще и небрежно помахивал своей тростью.

Трость! Ну конечно же! Я остановился точно оглушенный.

«Да это же Фоксли! – воскликнул я про себя. – Фоксли-Скакун! И он по-прежнему размахивает своей тростью!»

Я подошел к нему поближе, чтобы получше разглядеть. Никогда прежде, скажу я вам, не испытывал такого потрясения. Это и в самом деле был Фоксли. Брюс Фоксли, или Фоксли-Скакун, как мы его называли. А в последний раз я его видел... дайте-ка подумать... Да, я тогда еще учился в школе, и мне было лет двенадцать-тринадцать, не больше.

В эту минуту подошел поезд, и, бог свидетель, он снова оказался в моем купе. Он положил шляпу и трость на полку, затем повернулся, сел и принялся раскуривать свою трубку. Взглянув на меня сквозь облако дыма своими маленькими холодными глазками, он произнес:

– Потрясающий денек, не правда ли? Прямо лето.

Теперь я его голос уже не спутаю ни с каким другим. Он совсем не изменился. Разве что другими стали слова.

«Ну что ж, Перкинс, – говорил он когда-то. – Что ж, скверный мальчишка. Придется мне поколотить тебя».

Как давно это было? Должно быть, лет пятьдесят назад. Любопытно, однако, как мало изменились черты его лица. Тот же надменно вздернутый подбородок, те же раздутые ноздри, тот же презрительный взгляд маленьких, пристально глядящих глаз, посаженных слишком близко друг к другу; все та же манера приближать к вам свое лицо, наваливаться на вас, как бы загонять в угол; даже волосы его я помню – жесткие и слегка завивающиеся, немного отливающие маслом, подобно хорошо заправленному салату. На его столе всегда стоял пузырек с экстрактом для волос (когда вам приходится вытирать в комнате пыль, то вы наверняка знаете, что где стоит, и начинаете ненавидеть все находящиеся в ней предметы), и на этом пузырьке красовалась этикетка с королевским гербом и названием магазина на Бонд-стрит, а внизу мелкими буквами было написано: «Изготовлено по специальному распоряжению для парикмахеров его величества короля Эдуарда VII». Я это помню особенно хорошо, поскольку мне казалось забавным, как это магазин гордится тем, что является поставщиком для парикмахеров того, кто практически лыс, – пусть это и сам монарх.

И вот теперь я смотрел на Фоксли, который откинулся на сиденье и принялся за чтение газеты. Меня охватило какое-то странное чувство оттого, что я сижу всего лишь в ярде от человека, который пятьдесят лет назад сделал меня настолько несчастным, что я помышлял о самоубийстве. Меня он не узнал, потому что я отрастил усы; да я и не боялся его теперь. Я чувствовал себя вполне уверенно и мог рассматривать его, сколько мне было угодно.

Оглядываясь назад, я теперь не сомневаюсь, что изрядно страдал от Брюса Фоксли весь первый год учебы в школе, и, как ни странно, этому невольно споспешествовал мой отец. Мне было двенадцать с половиной лет, когда я впервые попал в эту замечательную старинную школу. Кажется, в 1907 году. Мой отец, в шелковом цилиндре и фраке-визитке, проводил меня до вокзала, и до сих пор помню, как мы стояли на платформе среди груды ящиков и чемоданов и, наверное, тысяч очень больших мальчиков, теснившихся вокруг и громко переговаривавшихся, и тут кто-то, пытаясь протиснуться мимо нас, сильно толкнул моего отца в спину и чуть не сшиб его с ног.

Мой отец, человек небольшого роста, отличавшийся обходительностью и всегда державшийся с достоинством, обернулся с поразительной быстротой и схватил виновника за руку.

– Разве вас в школе не учат хорошим манерам, молодой человек? – спросил он.

Мальчик, оказавшийся на голову выше отца, посмотрел на него сверху вниз холодным взором, но ничего не сказал.

– Сдается мне, – заметил мой отец, столь же пристально глядя на него, – что недурно было бы извиниться.

Однако мальчик продолжал смотреть на него свысока, при этом в уголках его рта появилась надменная улыбочка, а подбородок все более выступал вперед.

– По-моему, ты мальчик дерзкий и невоспитанный, – продолжал мой отец. – И мне остается лишь искренне надеяться, что в школе ты исключение. Не хотел бы я, чтобы кто-нибудь из моих сыновей выучился таким же манерам.

Тут этот большой мальчик слегка повернул голову в мою сторону, и пара небольших холодных, довольно близко посаженных глаз заглянула в мои глаза. Тогда я не особенно испугался – я еще ничего не знал о том, какую власть имеют в школах старшие мальчики над младшими, и помню, что, полагаясь на поддержку своего отца, которого я очень любил и уважал, взгляд я выдержал.

Мой отец принялся было еще что-то говорить, но мальчик просто отвернулся и неторопливо пошел по платформе среди толпы.

Брюс Фоксли не забыл этого эпизода; но, конечно, самое неприятное выяснилось в школе: мы с ним оказались в одном общежитии и в одной комнате. Он учился в соседнем классе и был старостой, а будучи таковым, имел официальное разрешение колотить всех «шестерок»². Оказавшись же в его комнате, я автоматически сделался его особым личным рабом. Я был его слугой, поваром, горничной и мальчиком на побегушках, и в мои обязанности входило следить, чтобы он и пальцем не пошевелил, если только в этом не было крайней необходимости. Насколько я знаю, нигде в мире слугу не угнетают до такой степени, как угнетали нас, несчастных маленьких «шестерок», старосты в школе. Был ли мороз, шел ли снег, в любую погоду каждое утро после завтрака я принужден был сидеть на стульчаке в туалете (который находился во дворе и не обогревался) и греть его к приходу Фоксли.

Я помню, как он своей изысканно-расхлябанной походкой ходил по комнате, и если на пути ему попадался стул, он отбрасывал его ногой в сторону, а я должен был подбежать и поставить его на место. Он носил шелковые рубашки и всегда прятал шелковый платок в рукаве, а башмаки его были от какого-то Лобба (у которого тоже этикетки с королевским гербом). Я обязан был каждый день в течение пятнадцати минут тереть остроносые башмаки костью, чтобы они блестели.

Но самые худшие воспоминания у меня связаны с раздевалкой.

Я и сейчас вижу себя, маленького бледного мальчика, сиротливо стоящего в этой огромной комнате в пижаме, тапочках и халате из верблюжьей шерсти. Единственная ярко горящая электрическая лампочка свисает с потолка, а вдоль стен развешаны черные и желтые футболки, наполняющие комнату запахом пота, и голос, сыплющий словами, жесткими, словно зернышки, говорит: «Так как мы поступим на сей раз? Шесть раз в халате или четыре без него?»

Я так никогда и не смог заставить себя ответить на этот вопрос. Я просто стоял, глядя в грязный пол, – от страха у меня кружилась голова – и только о том и думал, что скоро этот большой мальчик будет бить меня длинной тонкой белой палкой, будет бить неторопливо, со знанием дела, искусно, законно, с видимым удовольствием, и у меня пойдет кровь. Пять часов назад я не смог разжечь огонь в комнате. Я истратил все свои карманные деньги на коробку специальных спичек, поджигал газету в каминной трубе, чтобы была тяга, и дул что было мочи на каминную решетку – угли так и не разгорелись.

– Если ты настолько упрям, что не хочешь отвечать, – говорил он, – тогда мне придется решать за тебя.

Я отчаянно хотел ответить ему, поскольку знал: мне нужно что-то выбрать. Это первое, что узнаю, когда приходят в школу. Обязательно оставайся в халате и лучше стерпи лишние

² В английских школах младший ученик, прислуживающий старшекласснику.

удары. В противном случае почти наверняка появятся раны. Лучше три удара в халате, чем один без него.

– Снимай халат и отправляйся в дальний угол. Коснись руками пола. Всыплю тебе четыре раза.

Я медленно снимаю халат и кладу его на шкафчик для обуви. И медленно, поеживаясь от холода и неслышно ступая, иду в дальний угол в одной лишь хлопчатобумажной пижаме, и неожиданно все вокруг заливается ярким светом, точно я гляжу на картинку в волшебном фонаре, и предметы становятся непомерно большими и нереальными, и перед глазами у меня все плывет.

– Давай же коснись руками пола. Ниже, еще ниже.

Затем он направляется в другой конец раздевалки, и я смотрю на него, расставив ноги и опустив голову, а он исчезает в дверях и, спустившись на две ступеньки, идет через так называемый умывальный коридор. Это было помещение с каменным полом и с умывальниками, тянувшимися вдоль одной стены; отсюда можно было попасть в ванную. Когда Фоксли исчез, я понял, что он отправился в дальний конец умывального коридора. Фоксли всегда так делал. Но вот он скачущей походкой возвращается назад, стуча ногами по каменному полу так, что дребезжат умывальники, и я вижу, как он одним прыжком преодолевает две ступеньки между коридором и раздевалкой и с тростью наперевес быстро приближается ко мне. В такие моменты я закрываю глаза, дожидаясь удара, и говорю себе: только не разгibaйся, как бы ни было больно.

Всякий, кого били как следует, скажет, что по-настоящему больно становится только спустя восемь – десять секунд после удара. Сам удар – это всего лишь резкий глухой шлепок, вызывающий полное онемение (говорят, так же действует пуля). Но потом – о боже, потом! – кажется, будто к твоим голым ягодицам прикладывают раскаленную докрасна кочергу, а ты не можешь протянуть руку и схватить ее.

Фоксли отлично знал, как выдержать паузу: он медленно преодолевал расстояние, которое в общей сложности составляло ярдов, должно быть, пятнадцать, прежде чем нанести очередной удар; он выжидал, пока я сполна испытаю боль от предыдущего удара.

После четвертого удара я обычно разгибаюсь. Больше я не могу. Это лишь защитная реакция организма, предупреждающая, что больше тело вынести не может.

– Да ты струсил, – говорит Фоксли. – Последний удар не считается. Ну-ка наклонись еще разок.

В следующий раз надо будет не забыть покрепче ухватиться за лодыжки.

Потом он смотрит, как я иду, держась за спину, не в силах ни согнуться, ни разогнуться. Надевая халат, я всякий раз пытаюсь отвернуться от него, чтобы он не видел моего лица. Я уже собрался было уйти, но тут слышу:

– Эй, ты! Вернись-ка!

Я останавливаюсь в дверях и оборачиваюсь.

– Иди сюда. Ну, иди же сюда. Скажи, не забыл ли ты чего-нибудь?

Единственное, о чем я сейчас могу думать, – это то, что меня пронизывает мучительная боль.

– По-моему, ты мальчик дерзкий и невоспитанный, – говорит он, подражая голосу моего отца. – Разве вас в школе не учат хорошим манерам?

– Спа-а-сибо, – заикаясь, говорю я. – Спа-а-сибо за... то... что ты побил меня.

И потом я поднимаюсь по темной лестнице в спальню, чувствуя себя уже гораздо лучше, потому что все кончилось, боль проходит, и вот меня обступают другие ребята и принимаются расспрашивать с каким-то грубоватым сочувствием, рожденным из собственного опыта.

– Эй, Перкинс, дай-ка посмотреть.

- Сколько он тебе всыпал?
- По-моему, раз пять. Отсюда слышно было.
- Ну, давай показывай свои раны.

Я снимаю пижаму и спокойно стою, давая возможность группе экспертов внимательно осмотреть нанесенные мне повреждения.

- Отметины-то далековато друг от друга. Не похоже на Фоксли.
- А вот эти две рядом. Почти касаются друг друга. А эти-то – гляди – до чего хороши!
- А вот тут внизу он смазал.
- Он из умывального коридора разбежался?
- Ты, наверное, трусил, и он тебе еще разок всыпал, а?
- Ей-богу, Перкинс, старина Фоксли на тебе душу отвел.
- Кровь-то так и течет. Ты бы смыл ее, что ли.

Затем открывается дверь и появляется Фоксли. Все разбегаются и делают вид, будто чистят зубы или читают молитвы, а я между тем стою посреди комнаты со спущенными штанами.

– Что тут происходит? – говорит Фоксли, бросив быстрый взгляд на творение своих рук. – Эй, ты, Перкинс! Приведи себя в порядок и ложись в постель.

Так заканчивается день.

В течение недели у меня не было ни одной свободной минуты. Стоило только Фоксли увидеть, как я беру в руки какой-нибудь роман или открываю свой альбом с марками, как он тотчас же находил мне занятие. Одним из его любимых выражений – особенно когда шел дождь – было следующее:

– Послушай-ка, Перкинс, мне кажется, букетик ирисов украсил бы мой стол, как ты думаешь?

Ирисы росли только возле Апельсиновых прудов. Чтобы туда добраться, нужно было пройти две мили по дороге, а потом свернуть в поле и преодолеть еще полмили. Я поднимаюсь со стула, надеваю плащ и соломенную шляпу, беру в руки зонтик и отправляюсь в долгий путь, который мне предстоит проделать в одиночестве. На улице всегда нужно было ходить в соломенной шляпе, но от дождя она быстро теряла форму, поэтому, чтобы сберечь ее, и нужен зонтик. С другой стороны, невозможно бродить по заросшему берегу в поисках ирисов с зонтиком над головой, поэтому, чтобы предохранить шляпу, я кладу ее на землю и раскрываю над ней зонтик, а сам иду собирать цветы. В результате я не раз простужался.

Но самым страшным днем было воскресенье. По воскресеньям я убирал комнату, и как же хорошо мне запомнилось, что за ужас меня охватывал в те утренние часы, когда после остервенелого выколачивания пыли и уборки я ждал, пока не придет Фоксли и не примет мою работу.

- Закончил? – спрашивал он.
- Д-думаю, что да.

Тогда он идет к своему столу, вынимает из ящика белую перчатку, медленно натягивает ее на правую руку, приминая между пальцами, чтобы сидела как влитая, а я стою и с дрожью смотрю, как он двигается по комнате, проводя указательным пальцем по верху развешанных по стенам картинок в рамках, по плинтусам, полкам, подоконникам, абажурам. Я не могу отвести глаз от этого пальца. Для меня это перст судьбы. Почти всегда он умудрялся отыскать какую-нибудь крохотную щелку, которую я не заметил или о которой, быть может, и не подумал вовсе. В таких случаях Фоксли медленно поворачивался, едва заметно улыбаясь этой своей не предвещавшей ничего хорошего улыбкой, и выставлял палец так, чтобы и я мог видеть грязное пятнышко на белой перчатке.

- Так, – говорил он. – Значит, ты – ленивый мальчишка. Не правда ли?

Я молчу.

– Не правда ли?

– Мне кажется, я везде вытирал.

– Так все-таки ты ленивый мальчишка или нет?

– Д-да.

– А ведь твой отец не хочет, чтобы ты рос таким. Твой отец ведь очень щепетилен на этот счет, а?

Я молчу.

– Я тебя спрашиваю: твой отец ведь щепетилен на этот счет?

– Наверное... да.

– Значит, я сделаю ему одолжение, если накажу тебя, не правда ли?

– Я не знаю.

– Так сделать ему одолжение?

– Д-да.

– Тогда давай встретимся попозже в раздевалке, после молитвы.

Остаток дня я провожу в мучительном ожидании вечера.

Боже праведный, воспоминания совсем одолели меня. По воскресеньям мы также писали письма. «Дорогие мама и папа, большое вам спасибо за ваше письмо. Я надеюсь, вы оба здоровы. Я тоже здоров, правда простудился немного, потому что попал под дождь, но скоро простуда пройдет. Вчера мы играли с командой Шрюсбери и выиграли у них со счетом 4:2. Я наблюдал за игрой, а Фоксли, который, как вы знаете, является нашим старостой, забил один гол. Большое вам спасибо за торт. Любящий вас Уильям».

Письмо я обычно писал в туалете, в чулане или же в ванной – где угодно, лишь бы только туда не мог заглянуть Фоксли. Однако много времени у меня не было. Чай мы пили в половине пятого, и к этому моменту должен был быть готов гренок для Фоксли. Я каждый день жарил для Фоксли ломтик хлеба, а в будние дни в комнатах не разрешалось разводить огонь, поэтому все «шестерки», жарившие хлебцы для хозяев своих комнат, толпились вокруг небольшого камина в библиотеке и просовывали к огню длинные металлические вилки. И еще я должен был следить за тем, чтобы гренок Фоксли был: во-первых, хрустящим, во-вторых, неподгоревшим, в-третьих, горячим и подан точно вовремя. Несоблюдение какого-либо из этих требований рассматривалось как «наказуемый проступок».

– Эй, ты! Что это такое?

– Гренок.

– По-твоему, это гренок?

– Ну...

– Ты, я вижу, совсем обленился и толком ничего сделать не можешь.

– Я старался.

– Знаешь, что делают с ленивой лошадей, Перкинс?

– Нет.

– А ты разве лошадь?

– Нет.

– Ты, по-моему, просто осел – ха-ха! – а это, наверное, одно и то же. Ну ладно, увидимся попозже.

Ох и тяжелые были денечки! Дать Фоксли подгоревший гренок – значит совершить «наказуемый проступок». Забыть счистить грязь с бутс Фоксли – значит также провиниться. Или не развесить его футболку и трусы. Или неправильно сложить зонтик. Или постучать в дверь комнаты, когда он занимается. Или наполнить ванну слишком горячей водой. Или не вычистить до блеска пуговицы на его форме. Или, надраивая пуговицы, оставить голубые пятнышки раствора на самой форме. Или не начистить до блеска подошвы башмаков. Или

не прибрать вовремя в комнате. Для Фоксли я, по правде говоря, и сам был «наказуемым проступком».

Я посмотрел в окно. Бог ты мой, да мы уже почти приехали. Что-то я совсем разнюнился и даже не раскрыл «Таймс». Фоксли по-прежнему сидел в своем углу и читал «Дейли мейл», и сквозь облачко голубого дыма, поднимавшегося из его трубки, я мог разглядеть половину лица над газетой, маленькие сверкающие глазки, сморщенный лоб, волнистые, слегка напояженные волосы.

Любопытно было разглядывать его теперь, по прошествии стольких лет. Я знал, что он более не опасен, но воспоминания не отпускали меня, и я чувствовал себя не очень-то уютно в его присутствии. Это все равно что находиться в одной клетке с дрессированным тигром.

Что за чепуха лезет тебе в голову, спросил я себя. Не будь же дураком. Да стоит тебе только захотеть, и ты можешь взять и выложить ему все, что о нем думаешь, и он тебя и пальцем не тронет. Неплохая мысль!

Разве что... как бы это сказать... зачем это нужно? Я уже слишком стар для подобных шуток и вдобавок не уверен, так ли уж он мне сейчас ненавистен.

Но как же все-таки быть? Не могу ведь я просто сидеть и смотреть на него как идиот!

И тут мне пришла в голову озорная мысль. «Вот что я сделаю, – сказал я себе, – протяну-ка я руку, похлопаю его слегка по колену и скажу ему, кто я такой. Потом понаблюдаю за выражением его лица. После этого пушусь в воспоминания о школе, а говорить буду достаточно громко, чтобы меня могли слышать и те, кто едет в нашем вагоне.

Я весело напояню ему, какие шутки он проделывал со мной, и, быть может, поведаю и об избиениях в раздевалке, чтобы вогнать его в краску. Ему не повредит, если я его немного подражаю и заставлю поволноваться. А вот мне это доставит массу удовольствия».

Неожиданно он поднял глаза и увидел, что я пристально гляжу на него. Это случилось уже не первый раз, и я заметил, как в его глазах вспыхнул огонек раздражения.

И тогда я улыбнулся и учтиво поклонился.

– Прошу простить меня, – громким голосом произнес я. – Но я бы хотел представиться.

Я подался вперед и внимательно посмотрел на него, стараясь не пропустить реакции на мои слова.

– Меня зовут Перкинс, Уильям Перкинс, в тысяча девятьсот седьмом году я учился в Рептоне.

Все, кто ехал в вагоне, затихли, и я чувствовал: они напряженно ждут, что же произойдет дальше.

– Рад познакомиться с вами, – сказал он, опустив газету на колени. – Меня зовут Фортестью, Джоселин Фортестью. Я закончил Итон в тысяча девятьсот шестнадцатом.

Агнец на закланье

В комнате было натоплено, чисто прибрано, шторы задернуты, на столе горели две лампы: одну она поставила возле себя, другую – напротив. В буфете за ее спиной были приготовлены два высоких стакана, содовая, виски. В ведерко-термос уложены кубики льда.

Мэри Мэлони ждала мужа с работы.

Она то и дело посматривала на часы, но не с беспокойством, а лишь затем, чтобы лишний раз убедиться: каждая минута приближает момент его возвращения. Движения ее были неторопливы, и казалось, что она все делает с улыбкой. Она склонилась над шитьем, и вид у нее при этом был на удивление умиротворенный. Кожа ее (она была на шестом месяце беременности) приобрела жемчужный оттенок, уголки рта разгладились, а глаза, в которых появилась безмятежность, казались гораздо более круглыми и темными, чем прежде.

Когда часы показали без десяти пять, она начала прислушиваться, и спустя несколько минут, как всегда в это время, по гравию зашуршали шины, потом хлопнула дверца автомобиля, раздался звук шагов за окном, в замке повернулся ключ. Она отложила шитье, поднялась и, когда он вошел, направилась к нему, чтобы поцеловать.

– Привет, дорогой, – сказала она.

– Привет, – ответил он.

Она взяла у него шинель и повесила в шкаф. Затем подошла к буфету и приготовила напитки – ему покрепче, себе послабее – и спустя короткое время снова сидела на своем стуле за шитьем, а он – напротив нее, на своем, сжимая в обеих ладонях высокий стакан и покачивая его так, что кубики льда звенели, ударяясь о стенки.

Для нее всегда это было самое счастливое время дня. Она знала: его не разговоришь, пока он не выпьет немного, но рада была после долгих часов одиночества посидеть и молча, довольная тем, что они снова вместе. Ей было хорошо с ним рядом. Когда они оставались наедине, она ощущала его тепло – точно так же загорающий чувствует солнечные лучи. Ей нравилось, как он сидит, беспечно развываясь на стуле, как входит в комнату или медленно передвигается по ней большими шагами. Ей нравился этот внимательный и вместе с тем отстраненный взгляд, когда он смотрел на нее, ей нравилось, как он забавно кривит губы, и особенно то, что он ничего не говорит о своей усталости и сидит молча до тех пор, пока виски не вернет его к жизни.

– Устал, дорогой?

– Да, – ответил он. – Устал.

И, сказав это, он сделал то, чего никогда не делал прежде. Он разом осушил стакан, хотя тот был полон наполовину – да, пожалуй, наполовину. Она в ту минуту не смотрела на него, но догадалась, что он именно это и сделал, услышав, как кубики льда ударились о дно стакана, когда он опустил руку. Он подался вперед, помедлил с минуту, затем поднялся и неторопливо направился к буфету, чтобы налить себе еще.

– Я принесу! – воскликнула она, вскакивая на ноги.

– Сиди, – сказал он.

Когда он снова опустился на стул, она заметила, что он не пожалел виски и напиток в его стакане приобрел темно-янтарный оттенок.

– Тебе принести тапки, дорогой?

– Не надо.

Она смотрела, как он потягивает крепкий напиток, и видела маленькие маслянистые круги, плававшие в стакане.

– Это просто возмутительно, – сказала она, – заставлять полицейского в твоем чине целый день быть на ногах.

Он ничего на это не ответил, и она снова склонилась над шитьем; между тем всякий раз, когда он подносил стакан к губам, она слышала стук кубиков льда.

– Дорогой, – сказала она, – может, принести тебе немного сыру? Я ничего не приготовила на ужин, ведь сегодня четверг.

– Не нужно, – ответил он.

– Если ты слишком устал и не хочешь пойти куда-нибудь поужинать, то еще не поздно что-то приготовить. В морозилке много мяса, можно поужинать, не выходя из дома.

Она посмотрела на него, дожидаясь ответа, улыбнулась, кивком выражая нетерпение, но он не сделал ни малейшего движения.

– Как хочешь, – настаивала она, – а я все-таки пойду и принесу печенье и сыр.

– Я ничего не хочу, – отрезал он.

Она беспокойно заерзала на стуле, неотрывно глядя на него своими большими глазами.

– Но тебе надо поесть. Пойду что-нибудь приготовлю. Я это сделаю с удовольствием. Можно приготовить баранью отбивную. Или свиную. Что бы ты хотел? У нас все есть в морозилке.

– Давай не будем об этом, – сказал он.

– Но, дорогой, ты должен поужинать. Я все равно что-нибудь приготовлю, а там как хочешь, можешь и не есть.

Она поднялась и положила шитье на стол возле лампы.

– Сядь, – сказал он. – Присядь на минутку.

Начиная с этой минуты ею овладело беспокойство.

– Ну же, – говорил он. – Садись.

Она медленно опустилась на стул, не спуская с него встревоженного взгляда. Он допил второй стакан и теперь, хмурясь, рассматривал его дно.

– Послушай, – сказал он, – мне нужно тебе кое-что сказать.

– В чем дело, дорогой? Что-то случилось?

Он сидел не шевелясь и при этом так низко опустил голову, что свет от лампы падал на верхнюю часть его лица, а подбородок и рот оставались в тени. Она увидела, как у него задергалось левое веко.

– Для тебя это, боюсь, будет потрясением, – заговорил он. – Но я много об этом думал и решил, что лучше уж разом все выложить. Надеюсь, ты не будешь судить меня слишком строго.

И он ей все рассказал. Это не заняло у него много времени: самое большее – четыре-пять минут. Она слушала мужа, глядя на него с ужасом, который возрастал по мере того, как он с каждым словом все более отдалялся от нее.

– Ну вот и все, – произнес он. – Понимаю, что не вовремя тебе обо всем этом рассказал, но у меня просто нет другого выхода. Конечно же, я дам тебе деньги и буду следить за тем, чтобы у тебя все было. Но давай не будем устраивать скандала. Надеюсь, ты меня понимаешь. На службе косо посмотрят на скандал.

Поначалу она не хотела ничему верить и решила, что все это выдумка. Может, он вообще ничего не говорил, думала она, а она себе все это вообразила. Наверное, лучше заняться своими делами и вести себя так, будто ей все это слышалось, а потом, когда она придет в себя, нужно будет просто убедиться в том, что ничего вообще не произошло.

– Пойду приготовлю ужин, – выдавила она из себя, и на сей раз он ее не удерживал.

Она не чувствовала под собой ног, когда шла по комнате. Она вообще ничего не чувствовала. Ее лишь слегка подташнивало и мутило. Она все делала механически: спустилась в погреб, нащупала выключатель, открыла морозилку, взяла то, что попало ей под руку. Она взглянула на сверток в руках и сняла бумагу.

Баранья нога.

Ну что ж, пусть у них на ужин будет баранья нога. Держа ее за один конец обеими руками, она пошла вверх. Проходя через гостиную, она увидела, что он стоит к ней спиной у окна, и остановилась.

– Ради бога, – сказал он, услышав ее шаги, но при этом не обернулся, – не нужно для меня ничего готовить.

В эту самую минуту Мэри Мэлони просто подошла к нему сзади, не задумываясь, высоко подняла замороженную баранью ногу и с силой ударила его по затылку.

Это было все равно что ударить его дубиной.

Она отступила на шаг, помедлила, и ей показалось странным, что он секунды четыре, может, пять стоял, едва заметно покачиваясь, а потом рухнул на ковер.

При падении он задел небольшой столик, тот перевернулся, и грохот заставил ее выйти из оцепенения. Холодея, она медленно приходила в себя и в изумлении из-под полуопущенных ресниц смотрела на распростертое тело, по-прежнему крепко сжимая в обеих руках кусок мяса.

«Ну что ж, – сказала она про себя. – Итак, я убила его». Неожиданно мозг ее заработал четко и ясно, и это ее еще больше изумило. Она начала очень быстро соображать. Будучи женой сыщика, она отлично знала, какое ее ждет наказание. Тут все ясно. Впрочем, ей все равно. Будь что будет. Но с другой стороны, как же ребенок? Что говорится в законе о тех, кто ждет ребенка? Их что, обоих убивают – мать и ребенка? Или все-таки ждут, когда наступит десятый месяц? Как поступают в таких случаях?

Этого Мэри Мэлони не знала. А испытывать судьбу она не собиралась.

Она отнесла мясо на кухню, положила его на противень, включила плиту и сунула в духовку. Потом вымыла руки и быстро поднялась в спальню. Сев перед зеркалом, припудрила лицо и подкрасила губы. Попыталась улыбнуться. Улыбка вышла какая-то странная. Она сделала еще одну попытку.

– Привет, Сэм, – весело сказала она громким голосом. И голос звучал как-то странно. – Я бы хотела купить картошки, Сэм. Да, и еще, пожалуй, баночку горошка.

Так-то лучше. Улыбка на этот раз получилась лучше, да и голос звучал твердо. Она повторила те же слова еще несколько раз. Потом спустилась вниз, надела пальто, вышла в заднюю дверь и, пройдя через сад, оказалась на улице.

Еще не было и шести часов, и в бакалейной лавке горел свет.

– Привет, Сэм, – беззаботно произнесла она, обращаясь к мужчине, стоявшему за прилавком.

– А, добрый вечер, миссис Мэлони. Что желаете?

– Я бы хотела купить картошки, Сэм. Да, и еще, пожалуй, баночку горошка.

Продавец повернулся и достал с полки горошек.

– Патрик устал и не хочет никуда идти ужинать, – сказала она. – По четвергам мы обычно ужинаем не дома, а у меня как раз не оказалось овощей.

– Тогда как насчет мяса, миссис Мэлони?

– Нет, спасибо, мясо у меня есть. Я достала из морозилки отличную баранью ногу.

– Ага!

– Обычно я ничего не готовлю из замороженного мяса, Сэм, но сегодня попробую. Думаешь, получится что-нибудь съедобное?

– Лично я, – сказал бакалейщик, – не вижу разницы, замороженное мясо или нет. Эта картошка вас устроит?

– Да, вполне. Выберите две картофелины.

– Что-нибудь еще? – Бакалейщик склонил голову набок, добродушно глядя на нее. – Как насчет десерта? Что бы вы выбрали на десерт?

– А что бы вы предложили, Сэм?

Продавец окинул взглядом полки своей лавки.

– Что скажете насчет доброго куса творожного пудинга? Уж я-то знаю, он это любит.

– Отлично, – согласилась она. – Он это действительно любит.

И когда покупки были завернуты, она расплатилась, приветливо улыбнулась ему и сказала:

– Спасибо, Сэм. Доброй ночи.

– Доброй ночи, миссис Мэлони. И спасибо вам.

А теперь, говорила она про себя, торопливо направляясь к дому, теперь она возвращается к своему мужу, который ждет ужина; и она должна хорошо его приготовить, и чтобы все было вкусно, потому что бедняга устал; а если, когда она войдет в дом, ей случится обнаружить что-то необычное, неестественное или ужасное, тогда, само собой, она испытает ужасное потрясение и обезумеет от горя и ужаса. Но ведь она не знает, что ее ждет что-то ужасное. Она просто возвращается домой с овощами. Сегодня четверг, и миссис Патрик Мэлони идет домой с овощами, чтобы приготовить ужин для мужа.

«Делай все как всегда. Пусть все выглядит естественно, и тогда совсем не нужно будет играть», – говорила она себе.

Вот почему, входя на кухню через заднюю дверь, она тихо напевала под нос и улыбалась.

– Патрик! – позвала она. – Как ты там, дорогой?

Она положила пакет на стол и прошла в гостиную, и, увидев его лежащим на полу, скорчившимся, с вывернутой рукой, которую он придавил всем телом, она действительно испытала потрясение. Любовь к нему всколыхнулась в ней с новой силой, она подбежала к нему, упала на колени и разрыдалась. Это нетрудно было сделать. Играть не понадобилось.

Спустя несколько минут она поднялась и подошла к телефону. Она помнила наизусть номер телефона полицейского участка и, когда ей ответили, крикнула в трубку:

– Быстрее! Приезжайте быстрее! Патрик мертв!

– Кто это говорит?

– Миссис Мэлони. Миссис Мэлони.

– Вы хотите сказать, что Патрик Мэлони мертв?

– Мне кажется, да, – говорила она сквозь рыдания. – Он лежит на полу, и мне кажется, он мертв.

– Сейчас будем, – ответили ей.

Машина приехала очень быстро, и, когда она открыла дверь, вошли двое полицейских. Она знала их – она знала почти всех на этом участке – и, истерически рыдая, упала в объятия Джека Нунана. Он бережно усадил ее на стул и подошел к другому полицейскому, по фамилии О’Мэлли, склонившемуся над распростертым телом.

– Он мертв? – сквозь слезы проговорила она.

– Боюсь, да. Что здесь произошло?

Она сбивчиво рассказала ему о том, как вышла в бакалейную лавку, а когда вернулась, нашла Патрика лежащим на полу. Пока она говорила, плакала и снова говорила, Нунан обнаружил на голове умершего сгусток запекшейся крови. Он показал рану О’Мэлли, который немедленно поднялся и торопливо направился к телефону.

Скоро в дом стали приходить другие люди. Первым явился врач, за ним прибыли еще двое полицейских, одного из которых она знала по имени. Позднее пришел полицейский фотограф и сделал снимки, а за ним появился дактилоскопист. Полицейские, собравшиеся возле трупа, вполголоса переговаривались, а сыщики тем временем задавали ей массу вопросов. Но, обращаясь к ней, они были неизменно предупредительны. Она снова все рассказала, на этот раз с самого начала, – Патрик пришел, а она сидела за шитьем, и он так устал, что не хотел никуда идти ужинать. Она сказала и о том, как поставила в духовку мясо – «оно

и сейчас там готовится» – и как сбегала к бакалейщику за овощами, а когда вернулась, он лежал на полу.

– К какому бакалейщику? – спросил один из сыщиков.

Она сказала ему, и он обернулся и что-то прошептал другому сыщику, который тотчас же вышел на улицу.

Через пятнадцать минут он возвратился с исписанным листком, и снова слышался шепот, и сквозь рыдания она слышала некоторые произносимые вполголоса фразы: «...вела себя нормально... была весела... хотела приготовить для него хороший ужин... горошек... творожный пудинг... быть не может, чтобы она...»

Спустя какое-то время фотограф с врачом удалились, явились два других человека и унесли труп на носилках. Потом ушел дактилоскопист. Остались два сыщика и двое других полицейских. Они вели себя исключительно деликатно, а Джек Нунан спросил, не лучше ли ей уехать куда-нибудь, к сестре например, или же она переночует у его жены, которая приглядит за ней.

Нет, сказала она. Она не чувствует в себе сил даже сдвинуться с места. Можно она просто посидит, пока не придет в себя? Ей действительно сейчас не очень-то хорошо.

Тогда не лучше ли лечь в постель, спросил Джек Нунан.

Нет, ответила она, она бы предпочла просто посидеть на стуле. Быть может, чуть позднее, когда она почувствует себя лучше, она найдет в себе силы, чтобы сдвинуться с места.

И они оставили ее в покое и принялись осматривать дом. Время от времени кто-то из сыщиков задавал ей какие-нибудь вопросы. Проходя мимо, Джек Нунан всякий раз ласково обращался к ней. Ее муж, говорил он, был убит ударом по затылку, нанесенным тяжелым тупым предметом, почти с уверенностью можно сказать – металлическим. Теперь они ищут оружие. Возможно, убийца унес его с собой, но он мог и выбросить его или спрятать где-нибудь в доме.

– Обычное дело, – сказал он. – Найди оружие – и считай, что нашел убийцу.

Потом к ней подошел один из сыщиков и сел рядом. Может, в доме есть что-то такое, спросил он, что могло быть использовано в качестве оружия? Не могла бы она посмотреть, не пропало ли что, например большой гаечный ключ или тяжелая металлическая ваза?

У них нет металлических ваз, отвечала она.

– А большой гаечный ключ?

И большого гаечного ключа, кажется, нет. Но что-то подобное можно поискать в гараже.

Поиски продолжались. Она знала, что полицейские ходят и в саду, вокруг дома. Она слышала шаги по гравии, а в щели между шторами иногда мелькал луч фонарика. Становилось уже поздно – часы на камине показывали почти десять часов. Четверо полицейских, осматривавших комнаты, казалось, устали и были несколько раздосадованы.

– Джек, – сказала она, когда сержант Нунан в очередной раз проходил мимо нее, – не могли бы вы дать мне выпить?

– Конечно. Как насчет вот этого виски?

– Да, пожалуйста. Но только немного. Может, мне станет лучше.

Он протянул ей стакан.

– А почему бы и вам не выпить? – сказала она. – Вы, должно быть, чертовски устали. Прошу вас, выпейте. Вы были так добры ко мне.

– Что ж, – ответил он. – Вообще-то, это не положено, но я пропущу капельку для бодрости.

Один за другим в комнату заходили полицейские и после уговоров выпивали по глотку виски. Они стояли вокруг нее со стаканами в руках, чувствуя себя несколько неловко, и

пытались произносить какие-то слова утешения. Сержант Нунан забрел на кухню, тотчас же вышел оттуда и сказал:

- Послушайте-ка, миссис Мэлони, а плита-то у вас горит, и мясо все еще в духовке.
- О боже! – воскликнула она. – И правда!
- Может, выключить?
- Да, пожалуйста, Джек. Большое вам спасибо.

Когда сержант снова вернулся, она взглянула на него своими большими темными, полными слез глазами.

- Джек Нунан, – сказала она.
- Да?
- Не могли бы вы сделать мне одолжение, да и другие тоже?
- Попробуем, миссис Мэлони.

– Видите ли, – сказала она, – тут собрались друзья дорогого Патрика, и вы стараетесь напасть на след человека, который убил его. Вы, верно, ужасно проголодались, потому что время ужина давно прошло, а Патрик, я знаю, не простил бы мне, упокой господь его душу, если бы я отпустила вас без угощения. Почему бы вам не съесть эту баранью ногу, которую я поставила в духовку? Она уже, наверное, готова.

- Об этом и речи быть не может, – ответил сержант Нунан.

– Прошу вас, – умоляюще проговорила она. – Пожалуйста, съешьте ее. Лично я и притронуться ни к чему не смогу, во всяком случае, ни к чему такому, что было в доме при нем. Но вам-то что до этого? Вы сделаете мне одолжение, если съедите ее. А потом можете продолжать свою работу.

Четверо полицейских поколебались было, но они уже давно проголодались, и в конце концов она уговорила их отправиться на кухню и поесть. Женщина осталась на своем месте, прислушиваясь к их разговору, доносившемуся из-за приоткрытых дверей, и слышала, как они немногословно переговаривались между собой, пережевывая мясо.

- Еще, Чарли?
- Нет. Оставь ей.

– Она хочет, чтобы мы ничего не оставляли. Она сама так сказала. Говорит, сделаем ей одолжение.

- Тогда ладно. Дай еще кусочек.

– Ну и дубина же, должно быть, была, которой этот парень огрел беднягу Патрика, – рассуждал один из них. – Врач говорит, ему проломили череп, точно кувалдой.

- Значит, нетрудно будет ее найти.
- Точно, и я так говорю.
- Кто бы это ни сделал, долго таскать с собой эту штуку не станешь.

Один из них рыгнул.

- Лично мне кажется, что она где-то тут, в доме.
- Может, прямо у нас под носом. Как по-твоему, Джек?
- И миссис Мэлони, сидевшая в комнате, захихикала.

Человек с юга

Время близилось к шести часам, и я решил посидеть в шезлонге рядом с бассейном, выпить пива и немного погреться в лучах заходящего солнца.

Я отправился в бар, купил пива и через сад прошел к бассейну.

Сад был замечательный: лужайки с подстриженной травой, клумбы с кустами азалий, а вокруг всего этого стояли кокосовые пальмы. Сильный ветер раскачивал вершины пальм, и листья шипели и потрескивали, точно были объаты пламенем. Под листьями висели гроздья больших коричневых плодов.

Вокруг бассейна стояло много шезлонгов; за белыми столиками под огромными яркими зонтами сидели загорелые мужчины в плавках и женщины в купальниках. В самом бассейне находились три или четыре девушки и около полудюжины молодых людей; они плескались и шумели, бросая друг другу огромный резиновый мяч.

Я остановился, чтобы рассмотреть их получше. Девушки были англичанками из гостиницы. Молодых людей я не знал, но у них был американский акцент, и я подумал, что это, наверное, курсанты морского училища, сошедшие на берег с американского учебного судна, которое утром бросило якорь в гавани.

Я сел под желтым зонтом, под которым было еще четыре свободных места, налил себе пива и закурил.

Очень приятно было сидеть на солнце, пить пиво и курить сигарету. Я с удовольствием наблюдал за купальщиками, плескавшимися в зеленой воде.

Американские моряки весело проводили время с английскими девушками. Они уже настолько с ними сблизились, что позволяли себе нырять под воду и щипать их за ноги.

И тут я увидел маленького пожилого человечка в безукоризненном белом костюме, бодро шагавшего вдоль бассейна. Он шел быстрой подпрыгивающей походкой, с каждым шагом приподнимаясь на носках. На нем была большая панاما бежевого цвета; обходя бассейн, он поглядывал на людей, сидевших в шезлонгах.

Он остановился возле меня и улыбнулся, обнажив очень мелкие неровные зубы, чуточку темноватые. Я улыбнулся в ответ.

– Простите, пжалста, могу я здесь сесть?

– Конечно, – ответил я. – Присаживайтесь.

Он присел на шезлонг, как бы проверяя его на прочность, потом откинулся и забросил ногу на ногу. Его белые кожаные башмаки были в дырочку, для вентиляции.

– Отличный вечер, – сказал он. – Тут, на Ямайке, все вечера отличные.

По его акценту я не мог определить, итальянец он, или испанец, или, скорее, откуда-нибудь из Южной Америки. При ближайшем рассмотрении он оказался человеком пожилым, лет, наверное, шестидесяти восьми – семидесяти.

– Да, – ответил я. – Здесь правда замечательно.

– А кто, позвольте спросить, все эти люди? – Он указал на купающихся в бассейне. – Они не из нашей гостиницы.

– Думаю, это американские моряки, – сказал я. – Это американцы, которые хотят стать моряками.

– Разумеется, американцы. Кто еще будет так шуметь? А вы не американец, нет?

– Нет, – ответил я. – Не американец.

Неожиданно возле нас вырос американский моряк. Он только что вылез из бассейна, и с него капала вода; рядом с ним стояла английская девушка.

– Эти шезлонги заняты? – спросил он.

– Нет, – ответил я.

– Ничего, если мы присядем?

– Присаживайтесь.

– Спасибо, – сказал он.

В руке у него было полотенце, и, усевшись, он развернул его и извлек пачку сигарет и зажигалку. Он предложил сигарету девушке, но та отказалась, затем предложил сигарету мне, и я взял одну. Человек сказал:

– Спасибо, нет, я, пожалуй, закурю сигару.

Он достал коробочку из крокодиловой кожи и взял сигару, затем вынул из кармана складной ножик с маленькими ножничками и отрезал у нее кончик.

– Прикуривайте. – Юноша протянул ему зажигалку.

– Она не загорится на ветру.

– Еще как загорится. Она отлично работает.

Человек вынул сигару изо рта, так и не закурив ее, склонил голову набок и взглянул на юношу.

– Отлично? – медленно произнес он.

– Ну конечно, никогда не подводит. Меня, во всяком случае.

Человек продолжал сидеть, склонив голову набок и глядя на юношу.

– Так-так. Значит вы говорите, что эта ваша замечательная зажигалка никогда вас не подводит? Вы ведь так сказали?

– Ну да, – ответил юноша. – Именно так.

Ему было лет девятнадцать-двадцать; его вытянутое веснушчатое лицо украшал заостренный птичий нос. Грудь его не очень-то загорела и тоже была усеяна веснушками и покрыта несколькими пучками бледно-рыжих волос. Он держал зажигалку в правой руке, готовясь щелкнуть ею.

– Она никогда меня не подводит, – повторил он, на сей раз с улыбкой, поскольку явно преувеличивал достоинства предмета своей гордости.

– Один момент, пажалста. – Человек вытянул руку, в которой держал сигару, и выставил ладонь, точно останавливал машину. – Один момент. – У него был удивительно мягкий монотонный голос, и он не отрываясь смотрел на юношу. – А не заключить ли нам пари? – Он улыбнулся, глядя на юношу. – Не поспорить ли нам, так ли уж хорошо работает ваша зажигалка?

– Давайте поспорим, – сказал юноша. – Почему бы и нет?

– Вы любите спорить?

– Конечно люблю.

Человек умолк и принялся рассматривать свою сигару, и, должен сказать, мне не очень-то было по душе его поведение. Казалось, он собирается извлечь какую-то для себя выгоду из всего этого, а заодно и посмеяться над юношей, и в то же время у меня было такое чувство, будто он вынашивает некий тайный замысел.

Он пристально посмотрел на юношу и медленно произнес:

– Я тоже люблю спорить. Почему бы нам не поспорить насчет этой штуки? По-крупному.

– Ну уж нет, – сказал юноша. – По-крупному не буду. Но двадцать пять центов могу предложить, или даже доллар, или сколько это будет в пересчете на местные деньги – сколько-то там шиллингов, кажется.

Человек махнул рукой:

– Послушайте меня. Давайте весело проводить время. Давайте заключим пари. Потом поднимемся в мой номер, где нет ветра, и я спорю, что если вы щелкнете своей зажигалкой десять раз подряд, то хотя бы раз она не загорится.

– Спорим, что загорится, – сказал юноша.

– Хорошо. Отлично. Так спорим, да?

– Конечно, я ставлю доллар.

– Нет-нет. Я поставлю кое-что побольше. Я богатый человек и к тому же азартный. Послушайте меня. За гостиницей стоит моя машина. Очень хорошая машина. Американская машина, из вашей страны. «Кадиллак»...

– Э, нет. Пойдите-ка. – Юноша откинулся в шезлонге и рассмеялся. – Против машины мне нечего выставить. Это безумие.

– Вовсе не безумие. Вы успешно щелкаете зажигалкой десять раз подряд, и «кадиллак» ваш. Вам бы хотелось иметь «кадиллак», да?

– Конечно, «кадиллак» я бы хотел. – Улыбка не сходила с лица юноши.

– Отлично. Замечательно. Мы спорим, и я ставлю «кадиллак».

– А я что ставлю?

Человечек аккуратно снял с так и не закуренной сигары опоясывавшую ее красную бумажку.

– Друг мой, я никогда не прошу, чтобы человек ставил что-то такое, чего он не может себе позволить. Понимаете?

– Ну и что же я должен поставить?

– Я у вас попрошу что-нибудь попроще, да?

– Идет. Просите что-нибудь попроще.

– Что-нибудь маленькое, с чем вам не жалко расстаться, а если бы вы и потеряли это, вы бы не очень-то огорчились. Так?

– Например, что?

– Например, скажем, мизинец с вашей левой руки.

– Что? – Улыбка слетела с лица юноши.

– Да. А почему бы и нет? Выиграете – берете машину. Проиграете – я беру палец.

– Не понимаю. Что это значит – берете палец?

– Я его отрублю.

– Ничего себе ставка! Нет, уж лучше я поставлю доллар.

Человечек откинулся в своем шезлонге, развел руками и презрительно пожал плечами.

– Так-так-так, – произнес он. – Этого я не понимаю. Вы говорите, что она отлично работает, а спорить не хотите. Тогда оставим это, да?

Юноша, не шевелясь, смотрел на купающихся в бассейне. Затем он неожиданно вспомнил, что не прикурил сигарету. Он взял ее в рот, заслонил зажигалку ладонью и щелкнул. Фитилек загорелся маленьким ровным желтым пламенем; руки он держал так, что ветер не задувал его.

– Можно и мне огонька? – спросил я.

– О, простите, я не заметил, что вы тоже не прикурили.

Я протянул руку за зажигалкой, однако он поднялся и подошел ко мне сам.

– Спасибо, – сказал я, и он возвратился на свое место.

– Вам здесь нравится? – спросил я у него.

– Очень, – ответил он. – Здесь просто замечательно.

Снова наступило молчание; я видел, что человечку удалось растормошить юношу своим нелепым предложением. Тот сидел совершенно неподвижно, но было заметно: что-то в нем всколыхнулось. Спустя какое-то время он беспокойно заерзал, принялся почесывать грудь и скрести затылок и наконец положил обе руки на колени и стал постукивать пальцами по коленным чашечкам. Скоро он начал постукивать и ногой.

– Давайте-ка еще раз вернемся к этому вашему предложению, – в конце концов проговорил он. – Вы говорите, что мы идем к вам в номер, и если я зажгу зажигалку десять раз

подряд, то выиграю «кадиллак». Если она подведет меня хотя бы один раз, то я лишаюсь мизинца на левой руке. Так?

– Разумеется. Таково условие. Но мне кажется, вы боитесь.

– А что, если я проиграю? Я протягиваю вам палец, и вы его отрубаете?

– О нет! Так не пойдет. К тому же вы, может быть, пожелаете убрать руку. Прежде чем мы начнем, я привяжу вашу руку к столу и буду стоять с ножом, готовый отрубить вам палец в ту секунду, когда зажигалка не сработает.

– Какого года ваш «кадиллак»? – спросил юноша.

– Простите. Я не понимаю.

– Какого он года – сколько ему лет?

– А! Сколько лет? Да прошлого года. Совсем новая машина. Но вы, я вижу, не спорщик, как, впрочем, и все американцы.

Юноша помолчал с минуту, посмотрел на девушку, потом на меня.

– Хорошо, – резко произнес он. – Я согласен.

– Отлично! – Человечек тихо хлопнул в ладоши. – Прекрасно! – сказал он. – Сейчас и приступим. А вы, сэр, – обернулся он ко мне, – не могли бы вы стать этим... как его... судьей?

У него были бледные, почти бесцветные глаза с яркими черными зрачками.

– Видите ли, – сказал я. – Мне кажется, это безумное пари. Мне все это не очень-то нравится.

– Мне тоже, – сказала девушка. Она заговорила впервые. – По-моему, это глупо и нелепо.

– Вы и вправду отрубите палец у этого юноши, если он проиграет? – спросил я.

– Конечно. А выиграет, отдам ему «кадиллак». Однако пора начинать. Пойдемте ко мне в номер. – Он поднялся. – Может, вы оденетесь? – спросил он.

– Нет, – ответил юноша. – Я так пойду.

Потом он обратился ко мне:

– Я был бы вам обязан, если бы вы согласились стать судьей.

– Хорошо, – ответил я. – Я пойду с вами, но пари мне не нравится.

– И ты иди с нами, – сказал он девушке. – Пойдем, посмотришь.

Человечек повел нас через сад к гостинице. Теперь он был оживлен и даже возбужден и оттого при ходьбе подпрыгивал еще выше.

– Я остановился во флигеле, – сказал он. – Может, сначала хотите посмотреть машину? Она тут рядом.

Он подвел нас к подъездной аллее, и мы увидели сверкающий бледно-зеленый «кадиллак», стоявший неподалеку.

– Вон она. Зеленая. Нравится?

– Машина что надо, – сказал юноша.

– Вот и хорошо. А теперь посмотрим, сможете ли вы ее выиграть.

Мы последовали за ним во флигель и поднялись на второй этаж. Он открыл дверь номера, и мы вошли в большую комнату, оказавшуюся уютной спальней с двумя кроватями. На одной из них лежал пеньюар.

– Сначала, – сказал он, – мы выпьем немного martin.

Бутылки стояли на маленьком столике в дальнем углу, так же как и все то, что могло понадобиться, – шейкер, лед и стаканы. Он начал готовить martin, однако прежде позвонил в звонок, в дверь тотчас же постучали, и вошла цветная горничная.

– Ага! – произнес он и поставил на стол бутылку джина. Потом извлек из кармана бумажник и достал из него фунт стерлингов. – Пажалста, сделайте для меня кое-что.

Он протянул горничной банкноту.

– Возьмите это, – сказал он. – Мы тут собираемся поиграть в одну игру, и нам нужны две... нет, три вещи. Гвозди, молоток и мясницкий тесак, который вы одолжите на кухне. Вы можете все это принести, да?

– Мясницкий тесак! – Горничная широко раскрыла глаза и всплеснула руками. – Вам нужен настоящий мясницкий тесак?

– Да-да, конечно. А теперь идите, пожалуйста. Я уверен, что вы все это сможете достать.

– Да, сэр, я попробую, сэр. Я попробую. – И она удалилась.

Человечек разлил мартини по стаканам. Мы стояли и потягивали напиток – юноша с вытянутым веснушчатым лицом и острым носом, в выгоревших коричневых плавках, англичанка, крупная светловолосая девушка в бледно-голубом купальнике, то и дело посматривавшая поверх стакана на юношу, человечек с бесцветными глазами, в безукоризненном белом костюме, смотревший на девушку в бледно-голубом купальнике. Я не знал, что и думать. Кажется, человечек был настроен серьезно по поводу пари. Но черт побери, а что, если юноша и вправду проиграет? Тогда нам придется везти его в больницу в «кадиллаке», который ему не удалось выиграть. Ну и дела. Ничего себе дела, а? Все это представлялось мне совершенно необязательной глупостью.

– Вам не кажется, что все это довольно глупо? – спросил я.

– Мне кажется, что все это замечательно, – ответил юноша. Он уже осушил один стакан мартини.

– А вот мне кажется, что все это глупо и нелепо, – сказала девушка. – А что, если ты проиграешь?

– Мне все равно. Я что-то не припомню, чтобы когда-нибудь в жизни мне приходилось пользоваться левым мизинцем. Вот он. – Юноша взял за палец. – Вот он, и до сих пор от него не было никакого толку. Так почему же я не могу на него поспорить? Мне кажется, что пари замечательное.

Человечек улыбнулся, взял шейкер и еще раз наполнил наши стаканы.

– Прежде чем мы начнем, – сказал он, – я вручу судье ключ от машины. – Он извлек из кармана ключ и протянул его мне. – Документы, – добавил он, – документы на машину и страховка находятся в автомобиле, в кармане на дверце.

В эту минуту вошла цветная горничная. В одной руке она держала небольшой тесак, таким пользуются мясники для рубки костей, а в другой – молоток и мешочек с гвоздями.

– Отлично! Вижу, вам удалось достать все. Спасибо, спасибо. А теперь можете идти. – Он подождал, пока горничная закроет за собой дверь, после чего положил инструменты на одну из кроватей и сказал: – Подготовимся, да? – И, обращаясь к юноше, прибавил: – Помогите мне, пожалуйста. Давайте немного передвинем стол.

Это был обыкновенный письменный прямоугольный стол, заурядный предмет гостиничного интерьера, размерами фута четыре на три, с промокательной и писчей бумагой, чернилами и ручками. Они вынесли его на середину комнаты и убрали с него письменные принадлежности.

– А теперь, – сказал он, – нам нужен стул.

Он взял стул и поставил его возле стола. Действовал он очень живо, как затейник на детском утреннике.

– А теперь гвозди. Я должен забить гвозди.

Он взял гвозди и начал вбивать их в столешницу.

Мы стояли – юноша, девушка и я – со стаканами мартини в руках и наблюдали за его действиями. Сначала он забил в стол два гвоздя на расстоянии примерно шести дюймов один от другого. Забивал он их не до конца. Затем подергал гвозди, проверяя, прочно ли они забиты.

Похоже, сукин сын проделывал такие штуки и раньше, сказал я про себя. Ни секунды же не колеблется. Стол, гвозди, молоток, тесак с кухни. Он точно знает, чего хочет и как все это обставить.

– А теперь, – сказал он, – нам нужна какая-нибудь веревка.

Какую-нибудь веревку он нашел.

– Отлично, наконец-то мы готовы. Пажалста, садитесь за стол, вот здесь, – сказал он юноше.

Юноша поставил свой стакан и сел на стул.

– Теперь положите левую руку между этими двумя гвоздями. Гвозди нужны для того, чтобы я смог привязать вашу руку. Хорошо, отлично. Теперь я попрочнее привяжу вашу руку к столу... так...

Он несколько раз обмотал веревкой сначала запястье юноши, потом кисть и крепко привязал веревку к гвоздям. Он отлично справился с этой работой, и, когда закончил ее, ни у кого не могло возникнуть сомнений насчет того, сможет ли юноша вытащить свою руку. Однако пальцами шевелить он мог.

– А теперь, пажалста, сожмите в кулак все пальцы, кроме мизинца. Пусть мизинец лежит на столе. Ат-лич-но! Вот мы и готовы. Правой рукой работаете с зажигалкой. Однако еще минутку, пажалста.

Он подскочил к кровати и взял тесак. Затем снова подошел к столу и встал около юноши с тесаком в руках.

– Все готовы? – спросил он. – Господин судья, вы должны объявить о начале.

Девушка в бледно-голубом купальнике стояла за спиной юноши. Она просто стояла и ничего при этом не говорила. Юноша сидел очень спокойно, держа в правой руке зажигалку и посматривая на нож. Человечек смотрел на меня.

– Вы готовы? – спросил я юношу.

– Готов.

– А вы? – Этот вопрос был обращен к человечку.

– Вполне готов, – сказал он и занес тесак над пальцем юноши, чтобы рубануть в любую минуту.

Юноша следил за ним, но ни разу не вздрогнул, и ни один мускул не шевельнулся на его лице. Он лишь нахмурился.

– Отлично, – сказал я. – Начинайте.

– Не могли бы вы считать, сколько раз я зажгу зажигалку? – попросил меня юноша.

– Хорошо, – ответил я. – Это я беру на себя.

Большим пальцем он откинул колпачок зажигалки и им же резко повернул колесико. Кремень дал искру, и фитилек загорелся маленьким желтым пламенем.

– Раз! – громко произнес я.

Он не стал задумывать пламя, а опустил колпачок и выждал секунд, наверное, пять, прежде чем откинуть его снова.

Он очень сильно повернул колесико, и фитилек снова загорелся маленьким пламенем.

– Два!

Все молча наблюдали за происходящим. Юноша не спускал глаз с зажигалки. Человечек стоял с занесенным тесаком и тоже смотрел на зажигалку.

– Три!.. Четыре!.. Пять!.. Шесть!.. Семь!..

Это наверняка была одна из тех зажигалок, которые исправно работают. Кремень давал большую искру, да и фитилек был нужной длины. Я следил за тем, как большой палец опускает колпачок. Затем пауза. Потом большой палец снова откидывает колпачок. Всю работу делал только большой палец. Я затаил дыхание, готовясь произнести цифру «восемь». Большой палец повернул колесико. Кремень дал искру. Появилось маленькое пламя.

– Восемь! – воскликнул я, и в ту же секунду раскрылась дверь.

Мы все обернулись и увидели в дверях женщину, маленькую черноволосую женщину, довольно пожилую; постояв пару секунд, она бросилась к маленькому человечку, крича:

– Карлос! Карлос!

Она схватила его за руку, вырвала у него тесак, бросила на кровать, потом ухватила за лацканы белого пиджака и принялась изо всех сил трясти, громко при этом выкрикивая какие-то слова на языке, похожем на испанский. Она трясла его так сильно, что Карлос напоминал мелькающую спицу быстро вращающегося колеса.

Потом она немного утомилась, и человечек опять стал самим собой. Она потащила его через всю комнату и швырнула на кровать. Он сел на край кровати и принялся мигать и вертеть головой, точно проверяя, на месте ли она.

– Простите меня, – сказала женщина. – Мне так жаль, что это все-таки случилось.

По-английски она говорила почти безупречно.

– Это просто ужасно, – продолжала она. – Но я и сама во всем виновата. Стоит мне оставить его на десять минут, чтобы вымыть голову, как он опять за свое.

Она, казалось, была очень огорчена и глубоко сожалела о том, что произошло.

Юноша тем временем отвязывал свою руку от стола. Мы с девушкой молчали.

– Он просто опасен, – сказала женщина. – Там, где мы живем, он уже отрубил сорок семь пальцев у разных людей и проиграл одиннадцать машин. Ему в конце концов пригрозили, что отправят его куда-нибудь. Поэтому я и привезла его сюда.

– Мы лишь немного поспорили, – пробормотал человечек с кровати.

– Он, наверное, поставил машину? – спросила женщина.

– Да, – ответил юноша. – «Кадиллак».

– У него нет машины. Автомобиль мой. А это уже совсем никуда не годится, – сказала она. – Он заключает пари, а поставить ему нечего. Мне стыдно за него и жаль, что это случилось.

Вероятно, она была очень доброй женщиной.

– Что ж, – сказал я, – тогда возьмите ключ от вашей машины.

Я положил его на стол.

– Мы лишь немного поспорили, – бормотал человечек.

– Ему не на что спорить, – сказала женщина. – У него вообще ничего нет. Ничего. По правде, когда-то давно я сама у него все выиграла. У меня ушло на это какое-то время, много времени, и мне пришлось изрядно потрудиться, но в конце концов я выиграла все.

Она взглянула на юношу и улыбнулась, и улыбка вышла печальной. Потом подошла к столу и протянула руку, чтобы взять ключи.

У меня до сих пор стоит перед глазами эта рука – на ней было всего два пальца, один из них большой.

Мистер Физи

Мы оба рано были на ногах, когда настал великий день.

Я пошел бриться в ванную, а Клод оделся и сразу же отправился заниматься соломой. Окна кухни выходили на улицу, и я видел, как за деревьями – на горном хребте на краю долины – встает солнце.

Всякий раз, когда Клод проходил мимо окна с охапкой соломы, я видел в уголке зеркала напряженное лицо запыхавшегося человека; он двигался, наклонив голову, морщины на лбу собрались складками от бровей до волос. Я лишь однажды видел его таким – в день, когда он предложил Клэрис выйти за него. На этот раз он был так возбужден, что даже походка у него стала потешной. Он ступал осторожно, будто асфальт у заправочной станции плавился, и он это чувствовал сквозь тонкие подошвы, однако продолжал укладывать солому в кузов грузовика, чтобы Джеки было удобно.

Потом он пришел на кухню, приготовить завтрак. Я смотрел, как он поставил на плиту кастрюлю и стал варить суп. В руке он держал длинную железную ложку, ею и перемешивал суп, едва тот собирался закипеть. Не проходило и полминуты, чтобы он не засовывал свой нос в этот приторно-тошнотворный пар, исходящий от вареной конины. Потом стал заправлять суп: добавил три очищенные луковицы, несколько молодых морковин, полную чашку ботвы жгучей крапивы, чайную ложку соуса к мясу, двенадцать капель рыбьего жира, при этом за все бережно брался кончиками своих жирных пальцев, будто имел дело с крошечными осколками венецианского стекла. Достав из холодильника конский фарш, положил одну часть в миску Джеки, три части – в другую миску, а когда суп сварился, залил им мясо в обеих мисках.

За этой церемонией я наблюдал каждое утро в течение последних пяти месяцев, но никогда не видел его таким сосредоточенным и серьезным. Он не разговаривал со мной, даже не смотрел в мою сторону, а когда повернулся и снова вышел из дома, чтобы привести собак, даже на спине его, казалось, было написано: «Боже милостивый, помоги мне, чтобы я не сделал чего-нибудь не так, особенно сегодня».

Я слышал, как он, надевая на собак поводки, тихо разговаривает с ними в сарае, а когда он привел их на кухню, они принялись рваться с поводка, приподнимаясь на задних лапах и размахивая из стороны в сторону своими огромными, как кнуты, хвостами.

– Итак, – заговорил наконец Клод. – Что скажешь сегодня?

Обычно, едва ли не каждое утро, он предлагал мне поспорить на пачку сигарет, но сегодня на кону было нечто побольше, и я знал, что в этот момент он, как никогда, ждет от меня поддержки.

Он смотрел, как я обхожу вокруг двух красивых, одинаковых, высоких, с угольно-черной шерстью псов, а сам между тем отступил в сторону, держа поводки на расстоянии вытянутой руки, чтобы я разглядел животных получше.

– Джеки! – сказал я наконец, применив старый прием, который, впрочем, никогда не срабатывал.

Две одинаковые головы с одинаковыми мордами обернулись в мою сторону, и на меня уставились две пары блестящих, одинаковых, глубоко посаженных желтых глаз. Мне как-то почудилось, будто у одного из них глаза чуть потемнее. А в другой раз мне показалось, будто я могу узнать Джеки по более впалой груди и еще по тому, что у Джеки чуть-чуть побольше мышц в задней части туловища. Но не тут-то было.

– Ну же, – подначивал Клод.

Он надеялся, что уж сегодня-то я точно ошибусь.

– Вот этот, – сказал я. – Это Джеки.

– Который?

– Вот этот, слева.

– Ха! – вскричал он. – Опять ты ошибся!

– Мне так не кажется.

– Еще как ошибся. А теперь послушай, Гордон, я тебе кое-что скажу. Все эти последние недели, каждое утро, когда ты пытался отгадать, кто из них Джеки, я... знаешь, что делал?

– Что?

– Вел счет. И в результате выяснилось, что ты почти в половине случаев ошибался. Да лучше бы ты монету бросал!

Вот он о чем! Если уж я (который видел обоих псов каждый день) не всегда догадывался, кто из них Джеки, почему же, черт возьми, ему нужно бояться мистера Физи? Клод знал, что мистер Физи настоящий мастер выявлять на бегах подставных дублей, но он также знал, что очень трудно отличить одну собаку от другой, если между ними нет никакой разницы.

Клод поставил миски с едой на пол, придвинув к Джеки ту из них, где было меньше мяса, потому что бежать в этот день предстояло ему. Отступив в сторону, он стал смотреть, как они едят. На его лице снова появилось выражение глубокой озабоченности, и он глядел на Джеки тем же восхищенным и нежным взором, какой до недавнего времени предназначался только для Клэрис.

– Видишь ли, Гордон, – сказал он. – Я тебе это уже говорил. За последнюю сотню лет много дублей незаконно участвовали в бегах, всякие были дубли – и хорошие, и плохие, но такого за всю историю собачьих бегов еще не было.

– Может, ты и прав, – ответил я.

Я вспомнил промозглый день в самый канун Рождества, четыре месяца назад, когда Клод попросил у меня грузовик и укатил в сторону Эйлсбери, не сказав, куда едет. Я тогда решил, что он отправился повидать Клэрис, но он вернулся поздно вечером и привез с собой пса. Он сказал, что купил его у кого-то за тридцать пять шиллингов.

– Он что, быстро бегают? – спросил я тогда.

Мы стояли возле бензоколонки. Клод держал пса на поводке и смотрел, как редкие снежинки падают ему на спину и тают. Двигатель грузовика продолжал работать.

– Быстро! – усмехнулся Клод. – Да такого медленного пса ты в жизни не видывал!

– Тогда зачем же было его покупать?

– Видишь ли, – ответил он, и на его простом лице появилась плутоватая, загадочная улыбка. – Мне показалось, он немного похож на Джеки.

– Да, вроде похож.

Он протянул мне поводок, и я повел нового пса в дом, чтобы обсох, а Клод пошел в сарай за своим любимцем. Когда он вернулся, мы в первый раз сравнили их. Я помню, как он отступил и воскликнул: «Господи боже мой!» – и так и замер на месте, будто ему явился призрак. Вслед за тем он начал действовать быстро и уверенно. Опустившись на колени, он стал сравнивать собак. Казалось, будто в комнате становится все теплее, по мере того как растет его возбуждение вследствие этого долгого молчаливого осмотра, в ходе которого сравнению подвергались даже ногти и зачатки пятого пальца (по восемнадцать на каждой собаке), а также окрас.

– Знаешь что, – поднимаясь, произнес он наконец. – А пройдишь-ка с ними по комнате несколько раз.

Минут пять, а то и шесть Клод стоял, прислонившись к плите. Он прикрыл глаза и склонил голову набок, глядя на собак, хмурясь и покусывая губы. Потом, будто не веря тому, что увидел в первый раз, снова опустился на колени и снова занялся сравнительным анали-

зом, но неожиданно, в самый разгар осмотра, вскочил на ноги и уставился на меня. Мышцы на его лице напряглись, а около ноздрей и вокруг глаз кожа побелела.

– Отлично, – произнес он, при этом голос его немного дрожал. – Знаешь что? Кажется, то, что надо. Теперь мы богаты.

А потом начались наши тайные кухонные беседы с детальным планированием, выбором наиболее подходящего места, из тех, где проводятся бега, и наконец каждую вторую субботу мы стали закрывать станцию (теряя при этом дневную выручку), чтобы отправить пса в Оксфорд, где близ Хедингтона есть замызганная дорожка в поле; там разыгрываются большие деньги, но вообще-то, место бегов – лишь старые столбы в ряд, между которыми натянута веревка, обозначающая трассу, да перевернутый велосипед, тянувший на веревке липового зайца, а в дальнем конце, на некотором расстоянии, шесть будок для собак и позиция для стартера. В продолжение шестнадцати недель мы возили туда пса восемь раз, мистер Физи зарегистрировал его как участника, а потом мы стояли в толпе под ледяным дождем, дожидаясь, когда его кличку напишут мелом на доске. Мы называли его Черной Пантерой. И когда приходило время ему бежать, Клод всякий раз подводил его к будке, а я вставал у финиша, чтобы там схватить его и не дать в обиду свирепым псам, которых называют «цыганскими», потому что цыгане частенько включали их в число участников, чтобы по окончании бега собаки разодрали друг дружку в клочья.

Но правду сказать, нам всякий раз было довольно грустно, когда мы везли так далеко этого пса, заставляли его бежать, смотрели за его бегом и надеялись – чуть не молились, – чтобы он во что бы то ни стало пришел последним. Молиться, разумеется, было вовсе не обязательно, да мы и не сомневались в нем ни секунды, потому что этот кабыздох просто не мог бежать, и все тут. Двигался он, как краб. Не пришел последним он единственный раз, когда большой пес желтовато-коричневого окраса, по кличке Янтарь, угодил лапой в ямку, порвал сухожилие и пришел к финишу на трех лапах. Но и тогда наш опередил только его. И таким образом мы добились того, что наш попал в списки замыкающих вместе со слабаками, а в последний раз, когда мы туда ездили, все букмекеры ставили на него из расчета двадцать или тридцать к одному, дразнили пса и умоляли зрителей поддержать его.

И вот в этот солнечный апрельский день настал наконец черед Джеки бежать вместо него. Клод сказал, что больше дубля мы ставить не будем, а то он надоест мистеру Физи, и он вообще снимет пса с бегов – так медленно он двигался. Клод сказал, что с психологической точки зрения сейчас самое время выпускать Джеки, и Джеки будет первым где-то корпусов на двадцать – тридцать.

Джеки был еще щенком, когда Клод начал дрессировать его, а теперь псу было всего лишь пятнадцать месяцев, но бежал он уже быстро. В бегах он еще не участвовал, но мы знали, что он умеет бегать, потому что гоняли его по стадиону маленькой частной школы в Аксбридже, куда Клод возил его каждое воскресенье начиная с семимесячного возраста – за исключением того дня, когда псу делали прививку. Может, говорил Клод, он и не так быстро бежит, чтобы быть у мистера Физи первым, но с той репутацией, которую его дубль завоевал среди самых последних, он может сто раз упасть и встать и все равно опередить всех, как говорил Клод, корпусов на двадцать... ну хорошо, на десять – пятнадцать.

Тем утром мне оставалось сделать лишь одно – сходить в банк в деревне и взять пятьдесят фунтов для себя и пятьдесят для Клода как задаток к его жалованью, а в двенадцать часов закрыть станцию и повесить табличку на одной из бензоколонок – «Сегодня не работаем». Клоду же предстояло запереть другого пса в сарае за станцией, посадить Джеки в грузовик, после чего мы должны отправиться в путь. Не могу сказать, что я был так же взбудоражен, как Клод, но, опять же, мне не нужно было покупать дом или жениться, поэтому результат предстоящего состязания меня не очень-то и волновал. Да и не в конуре с борзыми я прожил жизнь в отличие от Клода, который целыми днями ни о чем другом и не думал, хотя

по вечерам, может, и вспоминал Клэрис. Лично у меня была хорошая работа – как владелец автозаправочной станции я был по горло занят, не говоря уж о торговле подержанными машинами, но раз Клоду приспичило возиться с грейхаундами, я не против, особенно когда назревало такое событие, – а если бы задуманное еще и осуществилось!.. Вообще, не могу не признаться, что всякий раз, когда я думал о деньгах, которыми мы рисковали и которые предполагали выиграть, внутри у меня начинало что-то шевелиться.

Собаки между тем позавтракали, и Клод вывел их на небольшую прогулку по полю, а я оделся и приготовил яичницу. Потом я сходил в банк и взял деньги (все купюры по одному фунту), а остаток утра пролетел довольно быстро за обслуживанием клиентов.

Ровно в двенадцать я закрыл станцию и повесил табличку на бензоколонке. Появился Клод. Одной рукой он вел на поводке Джеки, а в другой держал большой красновато-коричневый картонный чемодан.

– А это еще зачем?

– Для денег, – ответил Клод. – Ты ведь сам говорил, что в карманах две тысячи фунтов не унесешь.

Был чудесный весенний день. Почки так и лопались на живых изгородях, и солнечные лучи проникали сквозь молодые бледно-зеленые листочки большого бука, стоявшего на той стороне дороги. Джеки выглядел замечательно. На задних лапах выступали две большие твердые мышцы, каждая размером с дыню. Шерсть отливала, как бархат. Пока Клод укладывал в грузовик чемодан, пес прыгал на задних лапах, демонстрируя, в какой он отличной форме. Потом Джеки посмотрел на меня и ухмыльнулся, будто понимал, что отправляется на бега, дабы выиграть две тысячи фунтов и покрыть себя славой. Такой роскошной ухмылки, как у этого Джеки, я сроду не видывал. Он не только приподнимал верхнюю губу, у него даже уголки пасти расплывались, так что видны были все зубы, за исключением, может, пары коренных где-то в глубине. И всякий раз, видя, как пес улыбается, я ловил себя на том, что жду, как он еще и рассмеется в придачу.

Мы забрались в пикап и поехали. За рулем был я. Клод сидел рядом со мной, а Джеки ехал сзади. Стоя на соломе, он смотрел вперед, поверх наших плеч. Клод то и дело оборачивался и пытался убедить Джеки, что нужно лечь, а то, случись крутому повороту, можно и шишки набить, но пес был слишком возбужден и лишь улыбался ему в ответ, да махал своим огромным хвостом.

– Деньги при тебе, Гордон?

Клод курил одну сигарету за другой, не в силах усидеть на месте.

– Да.

– И мои тоже?

– Всего у меня сто пять. Пять для парня, который крутит колесо велосипеда, как ты просил, чтобы он не остановил зайца и чтобы забег не аннулировали.

– Хорошо, – сказал Клод, энергично потирая руки, будто ему было холодно. – Хорошо, хорошо, хорошо.

Проезжая по маленькой узкой Хай-стрит города Грейт-Миссенден, мы увидели старину Рамминса, направлявшегося в паб «Голова лошади» за своей утренней пинтой, потом за деревней повернули налево и поднялись на Чилтерн-Хиллс, держа курс на Принсиз-Ризборо, а оттуда до Оксфорда оставалось всего двадцать с чем-то миль.

Ехали мы теперь молча, поскольку оба начали испытывать какое-то напряжение. Мы сидели очень тихо, не произнося ни слова, каждый вынашивал свои страхи и предчувствия, каждый сдерживал свои тревоги. А Клод все дымил и дымил и выбрасывал сигареты наполовину выкуренными в окно. Обычно в ходе таких поездок он говорил без умолку по дороге туда и обратно, рассказывая, что ему приходилось делать с собаками, на каких работах он работал, где бывал, какие деньги зарабатывал, а также обо всем том, что делали с грейхаун-

дами другие, о воровстве, жестокости и невероятно коварном жульничестве хозяев беговых дорожек. Но в этот раз он не так уверенно себя чувствовал, чтобы много говорить. Да, признаться, и я тоже. Я молча следил за дорогой и старался не думать о ближайшем будущем, вспоминая все то, что Клод рассказывал мне раньше о разбое на собачьих бегах.

Готов поклясться, что никто на свете обо всем этом не знает больше Клода, и с того самого времени, когда мы взяли другую собаку и решили провернуть дело, он счел своей обязанностью посвятить меня в его особенности. Теперь, во всяком случае в теории, думаю, я знал почти столько же, сколько он.

Началось все с того разговора на кухне, когда речь зашла о возможности мошенничества. Помню, это было на другой день после того, как у Джеки появился дубль. Мы сидели и смотрели в окно на клиентов заправочной станции. Клод объяснял мне, что нам предстоит сделать. Я пытался по возможности внимательно следить за ходом его рассуждений, пока у меня не возник вопрос, не задать который я не мог.

– Вот чего я не понимаю, – сказал я тогда, – зачем вообще нужен дубль? Не будет ли безопаснее все время использовать Джеки, придерживая его в первых шести забегах, чтобы приходил последним? Потом, когда все махнут на него рукой, мы пустим его бежать по-настоящему. Результат-то в конечном счете один и тот же, не правда ли, зато никакой опасности, что нас разоблачат.

Как я только что сказал, вопрос попал в точку. Клод быстро взглянул на меня и произнес:

– Ну уж нет! Заруби себе на носу – придерживанием я не занимаюсь. Да что это пришло тебе в голову, Гордон?

Казалось, мои слова задели его больно и всерьез.

– Не вижу в этом ничего плохого.

– Послушай-ка, Гордон. Придерживать на бегу хорошего пса – значит губить его. Хороший пес знает, что он быстрый, и если видит, что его все обогнали и ему никого не догнать, у него, поверь мне, сердце обрывается. Мало того. Ты не стал бы делать подобных предложений, если бы знал, на какие ухищрения идут некоторые во время бегов, чтобы придержать своих псов.

– На какие например? – спросил я тогда.

– Да на любые, лишь бы сбился. Но попробуй его останови! Он так и рвется в бой и спокойно смотреть, как бегут другие, не может, так и рвется с поводка, чтобы присоединиться к другим. Сколько раз я видел, как даже со сломанной ногой собака бежит к финишу.

Он помолчал, задумчиво глядя на меня своими большими светлыми глазами. По всему было видно, что он глубоко задумался.

– Если уж мы хотим все сделать как надо, – сказал он, – то, может, мне стоит рассказать тебе кое-что, чтобы ты знал, что нас ждет.

– Давай рассказывай, – ответил я. – Мне интересно.

Какое-то время он молча смотрел в окно.

– Запомни главное, – невесело произнес он. – Все те, кто водит на бега собак, очень хитры. Так хитры, что ты и представить себе не можешь.

Он снова умолк, приводя в порядок свои мысли.

– Да взять хоть, для примера, всякие способы сдерживать бег собаки. Самый распространенный – затыжка.

– Затыжка?

– Да. Самый ходовой способ. Нужно лишь затянуть ошейник покрепче, чтобы пес даже дышал с трудом. Умный человек знает, на какую дырочку ошейник затянуть, чтобы пес пробежал лишь определенное расстояние. Обычно затягивают на пару дырочек потуже, чтобы отстал на пять-шесть корпусов. А завяжи еще туже, так он и последним придет. Немало зна-

вал я собак, которые валились без сил или же умирали, когда им туго затягивали ошейник, да еще в жаркий день. Скверное это дело, душить таким образом собак. А вот другие перехватывают черной ниткой пару ногтей на лапе, и собака уже не побежит быстро, потому что равновесие нарушено.

– Ну, это еще не самое страшное.

– А еще есть такие, которые прилепляют разжеванный чуингам собаке под хвост. И ничего тут смешного нет, – возмущенно прибавил он. – Во время бега хвост собаки поднимается и опускается, и резинка на хвосте приклеивается к шерстинкам в самой нежной части. Поверь мне, ни одной собаке это не понравится. Потом есть снотворные таблетки. Ими нынче многие пользуются. Снотворное назначают в зависимости от веса, как это делают врачи, и отмеряют такую дозу, которая нужна, чтобы пес отстал на пять, десять или пятнадцать корпусов. Вот лишь несколько обычных способов, – говорил он тогда, – но это ничто, абсолютно ничто в сравнении с некоторыми другими приемами сдерживать собаку во время бега, особенно цыганскими. Цыгане такие штуки проделывают, что и говорить противно, такое даже со злейшими врагами не делают.

И, поведав мне об этих ужасных вещах – и вправду ужасных, ведь речь шла о физической боли, которую причиняют собакам, – он перешел к рассказу о том, что некоторые делают, дабы собака пришла первой.

– Чтобы пес бежал быстро, с ним делают не менее ужасные вещи, чем когда хотят, чтобы он бежал медленно, – тихо заговорил Клод, сделав загадочное лицо. – Наверное, самый распространенный способ из всех – использование зимолюбки³. Если увидишь собаку без шерсти на спине или же шерсть растет клочками, значит тут не обошлось без зимолюбки. Перед самым бегом зимолюбку крепко втирают в кожу. Иногда используют мазь Слоуна⁴, но чаще всего это зимолюбка. Жжет страшно. Жжет так, что единственное, чего хочется собаке, это бежать, бежать и бежать – изо всех сил, чтобы только убежать от боли... Есть еще специальные лекарства, которые вводят шприцем. Это, заметь, современный способ, и большинство темных личностей, увлекающихся собачьими бегами, даже и не подозревают о его существовании. А вот парни, приезжающие из Лондона в больших автомобилях с дрессированными собаками, которых за взятку взяли у тренера на денек, – те используют шприцы.

Помню, как он сидел тогда за кухонным столом с сигаретой во рту, прикрывая глаза, когда выпускал дым, смотрел на меня почти закрытыми глазами, вокруг которых собрались морщины, и говорил:

– Запомни-ка вот что, Гордон. Тот, кто хочет, чтобы его пес пришел первым, пойдет на что угодно. С другой стороны, ни один пес не побежит быстрее, чем может, что ты с ним ни делай. Поэтому если нам удастся записать Джеки среди самых слабых, то дело наше выигрышное. Никакой пес из слабых за ним не угонится, хоть зимолюбку возьми, хоть иглу. Да хоть имбирь.

– Имбирь?

– Ну да. Имбирь тоже часто используют. Берут кусок сырого имбиря размером с грецкий орех и минут за пять до старта засовывают внутрь.

– В пасть? Чтобы съел?

– Нет, – ответил он. – Не в пасть.

Наши разговоры продолжались. В ходе восьми долгих поездок к месту бегов, которые мы потом проделали с дублем Джеки, мне довелось услышать еще многое об этом чудесном виде спорта – особенно о способах попрердержать пса или ускорить его бег (даже о названиях

³ Род растений семейства грушанковых.

⁴ Эрл Слоун (1848–1913) – американский врач, изобрел мазь, с помощью которой лечили хромоту у лошадей.

лекарств и в каких количествах их используют). Я услышал о «крысином способе» (для не гончих псов, чтобы заставить их бежать за липовым зайцем), когда крысу кладут в банку и привязывают ее к собачьей шее. В крышке банки делается дырочка, достаточно большая для того, чтобы крыса высунула голову и укусила пса. Но псу крысу не достать, поэтому он начинает беситься оттого, что его кусают в шею, и чем больше он трясет банкой, тем больше крыса кусает. Наконец кто-то выпускает крысу, и пес, который до того времени был милым домашним животным, который лишь хвостом помахивал и даже мышь не обидел бы, в ярости хватает ее и разрывает на куски. Прodelай это несколько раз, сказал тогда Клод («но сам я этим не занимаюсь»), и пес превращается в настоящего убийцу, который побежит за кем угодно, даже за липовым зайцем.

Тем временем мы пересекли поросшие букom Чилтерн-Хиллс и теперь спускались вниз, на плоскую равнину к югу от Оксфорда, где больше вязов и дубов. Клод молча сидел рядом со мной, нервно покуривая. Каждые две-три минуты он оборачивался, чтобы убедиться, что с Джеки все в порядке. Пес наконец улегся, и, поворачиваясь к нему, Клод всякий раз тихо что-то нашепывал, и тот отвечал легким движением хвоста, отчего шуршала солома.

Скоро мы должны были подъехать к широкой Хай-стрит близ Тейма, куда по базарным дням сгоняли свиней, коров и овец и где раз в год проходила ярмарка с качелями, каруселями, разбитыми машинами и цыганскими кибитками – и все на этой улице в центре города. Клод родился в Тейме, и не было случая, чтобы он не упомянул об этом, когда мы проезжали мимо этих мест.

– А вот и Тейм, – произнес он, как только появились первые дома. – Я ведь родился в Тейме, Гордон, и вырос здесь.

– Ты мне уже говорил об этом.

– Много чего мы тут вытворяли пацанами, – с ностальгической ноткой в голосе проговорил он.

– Не сомневаюсь.

Он замолчал – скорее, думаю, затем, чтобы успокоиться, нежели почему-либо еще, а потом начал вспоминать о годах юности.

– Вон там один парень жил, – сказал он, – Гилбертом Гоммом звали. Маленькое остроросое лицо, как у хорька, одна нога короче другой. Жуткие вещи мы с ним проделывали. Знаешь, что мы с ним сделали однажды, Гордон?

– Что?

– Как-то вечером, когда мамаша с папашей были в пабе, мы пошли на кухню, отсоединили трубку от конфорки и пустили газ в бутылку из-под молока, полную воды. Потом сели и стали пить ее из чайных чашек.

– Понравилось?

– Еще как! Отвратительное пойло! Но мы не пожалели сахара, и тогда пить стало, в общем-то, можно.

– А зачем вы это пили?

Клод недоверчиво посмотрел на меня.

– Ты хочешь сказать, что никогда не пил воду с пузырями?

– Да вроде нет.

– Я думал, все ее пили в детстве! Шибает в голову почти как вино, только хуже, смотря как долго пропускаешь газ через воду. Как мы назюзюкивались на этой кухне по субботним вечерам! Вот здорово было! До тех самых пор, пока папаша не заявился как-то домой пораньше и не застукал нас. До конца своих дней не забуду тот вечер. Я держу в руках бутылку из-под молока, в ней пузырится газ, Гилберт стоит на коленях, готовый в любой момент по моей команде повернуть кран, и тут входит папаша.

– И что он сказал?

– О боже, Гордон, это было ужасно. Он не произнес ни слова, но остановился в дверях, нащупал свой ремень, потом очень медленно расстегнул его и медленно вынул из брюк. Все это время он не спускал с меня глаз. Мужчина он был крупный, с руками как отбойные молотки, с черными усами и фиолетовыми прожилками на щеках. Потом быстро подошел, схватил за куртку и принялся охаживать меня что было мочи пряжкой, и, клянусь богом, Гордон, я тогда решил, что мне конец. Но тут он остановился, медленно и аккуратно вдел ремень в брюки, застегнул пряжку, заправил конец ремня и рыгнул пивным духом. Потом, так и не сказав ни слова, отправился обратно в паб. Так меня больше в жизни не пороли.

– Сколько тебе тогда было лет?

– Да, наверное, лет восемь, – ответил Клод.

Когда мы подъезжали к Оксфорду, он опять замолчал и то и дело поворачивал голову, чтобы убедиться, что с Джеки все хорошо, трогал его, гладил по голове, а однажды повернулся всем телом, встал на сиденье на колени и обложил пса соломой, пробормотав что-то насчет сквозняка. Мы проехали по окраине Оксфорда и оказались на пересечении узких проселочных дорог, а спустя какое-то время свернули в небольшой ухабистый переулок и влились в жидкий поток мужчин и женщин, двигавшихся, кто пешком, кто на велосипеде, в том же направлении. Некоторые мужчины вели на поводках собак. Перед нами ехала машина с закрытым кузовом, и мы видели пса, который сидел на заднем сиденье между двумя мужчинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.